

Sokoloff M. A Dictionary of Judean Aramaic. Ramat Gan, 2003.

Soden W., von. Aramäische Wörter in neuassyrischen und neu- und spätbabylonischen Texten: Ein Vorbericht // *Or.*, 1966, vol. 35; 1968, vol. 37; 1977, vol. 46.

Tal A. A Dictionary of Samaritan Aramaic. 2 vols. Leiden; Boston; Cologne, 2000.

С о к р а щ е н и я н а з в а н и й и с -
т о ч н и к о в

Названия библейских книг даются по-латински в соответствии с общепринятыми научными изданиями *Biblia Hebraica Stuttgartensia* и *Nestle-Aland Novum Testamentum Graece et Latine* (в скобках приводятся русские соответствия в Синодальном переводе):

2 R — Regum 2 (4-я Царств)
Na — Nahum (Наум)
Cant — Canticum Canticorum (Песнь Песней)
Eccl — Ecclesiastes (Екклесиаст)
Thr — Threni (Плач Иеремии)
Est — Esther (Есфирь)
Da — Daniel (Даниил)
Esr — Esra (Ездра)
Neh — Nehemia (Неемия)
Mc — Secundum Marcum (Евангелие от Марка)
Mt — Secundum Mattheum (Евангелие от Матфея)
In — Secundum Iohannem (Евангелие от Иоанна)
1 Cor — Ad Corinthios I (Первое послание к Коринфянам)

АЕСТ — *Fales F.M.* Aramaic Epigraphs on Clay Tablets of the Neo-Assyrian Period. Rome, 1986.

АТТМ — *Beyer K.* Die aramäischen Texte vom Toten Meer samt den Inschriften aus Palästina, dem Testament Levis aus der Kairoer Genisa, der Fastenrolle und den alten talmudischen Zitaten. Göttingen, 1984, Bd. I; 1994, Ergänzungsband; 2004, Bd. II.

CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum. Paris, 1881–1932.

EA — *Knudtzon J.A.* Die El-Amarna-Tafeln. Leipzig, 1915.

GenAp — кумранский текст, переизданный в АТТМ I (стр. 165–186).

Hug — *Hug V.* Altaramäische Grammatik der Texte des 7. und 6. Jrs v. Chr. Heidelberg, 1993.

KAI — *Donner H., Röllig W.* Kanaanäische und aramäische Inschriften. Bd. 1–5. Wiesbaden, 2002.

Masada I — *Yadin Y., Naveh J.* Masada I: Final Reports. Jerusalem, 1989.

OSI — *Drijvers H., Healey J.* Old Syriac Inscriptions of Edessa and Osrhoene: Texts, Translations and Commentary. Leiden; Boston, 1999.

RA — Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale.

TAD — *Porten B., Yardeni A.* Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. Vols. 1–4. Jerusalem, 1986–1999.

TCL — Textes cunéiformes, Musées du Louvre. Paris, 1910–.

TF — *Abou Assaf A., Bordreuil P., Millard A.* La statue de Tell Fekherye et son inscription bilingue assyro-araméenne. Paris, 1982.

С.В. Лёзов

ИМПЕРСКИЙ АРАМЕЙСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

Имперский арамейский язык (И.а.я.) — основной официальный язык персидской Ахеменидской державы, существование которой условно датируется 539–331 гг. до н. э.

1.1.1. В источниках на И.а.я. этот язык называется *ʔrmyt* (В2.11:4, 6); это существительное, образованное от этнонима **ʔaram*, который был самоназванием арамеев в конце II — начале I тыс. до н. э. (см. статью «Арамейские языки» в наст. издании). В еврейской Библии арамейский язык называется *ʔārāmīṭ* (например Да 2:4а). В греческих источниках, современных Ахеменидской империи, тексты на И.а.я. называются ἄσσυρία γράμματα 'ассирийские письма' (у Геродота и Фукидида) и σῦρια γράμματα

‘сирийские письмена’ (у Ксенофонта): происхождение первого из этих названий связано с тем, что греки иногда называли «Ассирией» все части восточного Средиземноморья, некогда входившие в Ассирийскую империю.

В современной научной литературе на немецком языке широко распространено название *das Reichsaramäische*, предложенное немецким иранистом Йозефом Марквартом в 1927 г.; в англоязычной литературе употребителен английский эквивалент этого термина *Imperial Aramaic*, однако арамейский язык Ахеменидского периода значительно чаще называют *Official Aramaic*. Это обозначение предложил американский семитолог Х.Л. Гинзберг в 1933 г., чтобы указать на то, что арамейский употреблялся в официальной сфере уже в Ассирийской империи (с VII в. до н. э. или даже раньше). Таким образом, термины *Imperial Aramaic* и *Official Aramaic* не эквивалентны: они различаются по объему и содержанию, за ними стоят разные представления о периодизации арамейского языка (см. статью «Арамейские языки» в наст. издании).

1.1.2. И.а.я. принадлежит к арамейской подгруппе северозападносемитских языков. И.а.я. относится к западным арамейским языкам. О лингвистических основаниях разделения северозападносемитских языков на арамейскую и ханаанейскую подгруппы и о генеалогическом смысле деления арамейских языков на западную и восточную ветви см. статьи «Ханаанейские языки» и «Арамейские языки» в наст. издании.

1.1.3. И.а.я. — функционально универсальный письменный язык, употреблявшийся на всей территории Ахеменидской империи, независимо от места и родного языка авторов составленных на И.а.я. документов. Следы употребления И.а.я., в виде немногочисленных текстов на «вечных» носителях (т. е. не на папирусе или коже), обнаружены не только в столицах империи и областях, где присутствовали этнические группы, родными языками которых были различные арамейские идиомы (например в Верхней Месопотамии, Вавилонии, западной Сирии и Египте), но и там, где население говорило на других языках. И.а.я. использовался в легендах на монетах, найденных во всех регионах империи. Надписи (в частности посвячительные и надгробные) персидской эпохи на И.а.я. найдены в Малой Азии, например в Киликии и Каппадокии (КАИ 258–265, 318), а также в оазисе Тейма на севере Аравийского п-ова (КАИ 228–230).

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Диалект, ставший основой И.а.я., не поддается надежной географической локализации ни по языковым критериям, ни по данным исторического предания. Принято считать, что персы наделили официальным статусом некий письменный (в генеалогическом отношении западноарамейский) диалект Верхней Месопотамии. Доперсидские памятники этого диалекта до нас не дошли. Вероятно, что этому диалекту были присущи следующие особенности, отличающие его от большинства (или по крайней мере от части) древнеарамейских идиомов IX–VI вв. до н.э. (описание древнего арамейского, наиболее раннего свидетельства о западноарамейской подгруппе, см. в статье «Арамейские языки» в наст. издании.):

— местоимение 3-го лица единственного числа мужского рода, связанное с существительными множественного числа, записывалось как *-hy*, в отличие от древнего арамейского, где это местоимение записывалось как *-h*. Ср. характерную для древнего арамейского запись *bnw-h* ‘его сыновья’ (КАИ 222 A:5) с типичной для И.а.я. орфографией *bnw-hy* ‘его сыновья’ (см. 2.4.0., комментарии к парадигме личных местоимений). Вероятно, это различие следует понимать как чисто орфографическое;

— отсутствовала регрессивная контактная ассимиляция /n/, свойственная древнему арамейскому, а также устным арамейским диалектам Ахеменидской и эллинисти-

ческой эпох. Об отсутствии ассимиляции /n/ в диалекте-основе И.а.я., который сформировал имперско-арамейскую орфографическую норму, свидетельствует то, что в текстах на И.а.я. графема *n* регулярно выписывалась в словах, где этимологический **n* был ассимилирован во всех остальных известных древних арамейских идиомах, например *?nt* 'ты' (м. р.), *?nty* 'ты' (ж. р.), *?ntm* 'вы' (м. р.). Ср. также 2.2.3. об орфографическом варьировании в корпусе, которое указывает на ассимиляцию /n/ в устных арамейских диалектах, современных И.а.я.;

— инфинитив G-порядка регулярно образовывался посредством префикса *m-*, в то время как в западной разновидности древнего арамейского употребляются беспрефиксальные G-инфинитивы (см. статью «Арамейские языки» в наст. издании);

— глагол в 3-м лице множественного числа суффиксального спряжения в обоих родах имеет суффикс **-ā*, который в консонантной графике И.а.я. записывается графемой *w* (см. 2.4.0.). В корпусе И.а.я. глагол в суффиксальном спряжении употребляется с подлежащим множественного числа женского рода лишь однажды: *mt-w₁ ?grt₂* мн. ч. ж. р. 'письма₂ пришли₁' (A4.2:15), однако в арамеистике утвердилось мнение, согласно которому глаголу И.а.я. действительно была свойственна единая форма 3-го лица множественного числа суффиксального спряжения. Это мнение основано в частности на том, что в консонантном библейском арамейском тексте форма суффиксального спряжения с суффиксом *-w* регулярно используется при подлежащих множественного числа женского рода, например *prq-w₁ ?šbšn₂* мн. ч. ж. р. 'появились₁ пальцы₂' (Да 5:5). С исторической точки зрения, суффикс *-w* является показателем мужского рода. Архаическая (возможно, прасемитская) форма 3-го лица множественного числа женского рода суффиксального спряжения с суффиксом **-ā*, передаваемым на письме графемой *?*, представлена в частности в кумранском арамейском;

— в отличие от древнего арамейского, при финитном глаголе не употреблялись связанные объектные местоимения 3-го лица множественного числа. В этой позиции использовались постпозитивные формы, тождественные субъектным местоимениям (см. 2.4.0.);

— гораздо чаще, чем в древнем арамейском, использовались формы префиксального спряжения с элементом *-n-* перед связанными объектными местоимениями (см. 2.4.0.);

— прямое дополнение могло оформляться предлогом *l-* (см. 2.3.4.); древнему арамейскому такое употребление предлога *l-* не свойственно;

— порядок слов в предложении не был связан с выражением формально-синтаксических отношений, в отличие от порядка V(S)O, преобладающего в древнем арамейском.

Арамейские диалекты, отличные от И.а.я., письменными памятниками в персидский период не засвидетельствованы. Однако следует иметь в виду, что среди египетских арамейских документов особняком стоят восемь хорошо сохранившихся частных писем на папирусе из Гермополя, написанных около 500 г. до н. э. (семь из них изданы как TAD A2.1-7). Их орфография и грамматика обнаруживают ряд «неимперских» особенностей. Так, /n/ в позиции регрессивной контактной ассимиляции обычно не отражается на письме, например *?tm-n-h* 'я дам ее' (A2.1:5, *√ntn* 'давать'), хотя в И.а.я. префиксальные дериваты этого корня как правило записываются с *R₁n*, например *?ntn* 'я дам' (B2.1:7 и десятки других вхождений). Суффикс единственного числа женского рода неопределенного статуса у прилагательных (см. 2.3.2.) часто записывается буквой *t* вместо обычной для И.а.я. буквы *h*, например *tqnt₁ l špr-t₂* ж. р. 'один

прекрасный₂ сосуд₁’ (A2.2:11 сл.). В этих же письмах хорошо засвидетельствован несвойственный другим корпусам И.а.я. сложный императив (императив вспомогательного глагола *hwy* ‘быть’ + причастие, согласованное с императивом вспомогательного глагола в роде и числе): *hwy hzyt* ‘смотри’, букв. ‘будь_{импер. ж. р.} смотрящей_{п-рич. ж. р. неопр.}’ (A2.3:11). Встречается также предикативное причастие с семантикой настоящего времени без поверхностно выраженного подлежащего в третьем лице: *lh š?l*_{прич. ед. ч. м. р.} ‘он не спрашивает_{прич. ед. ч. м. р.}’ (A2.3:6). Вероятно, все эти особенности отражают разговорный язык авторов этих писем.

Проблемам языковой неоднородности в И.а.я. в арамейской филологии уделяется большое внимание. Так, израильский арамеист Э.Й. Кучер предложил в 1970 г. ряд признаков, отличающих, по его мнению, западный вариант И.а.я. от восточного. В частности, он считал, что письма из Гермополя отражают особенности западной разновидности И.а.я.. Голландская исследовательница М.Л. Фольмер опубликовала в 1995 г. фундаментальную монографию о языковом варьировании в арамейских текстах Ахеменидской эпохи. Однако собранный в этих работах материал не дает оснований сомневаться в принципиальном единстве И.а.я. как литературного языка. Наблюдаемая в И.а.я. вариативность объясняется главным образом тем, что авторы текстов в разной степени владели нормой. Возможно также влияние адстратов, в частности тех арамейских диалектов, которые авторы текстов на И.а.я. использовали в устном общении.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. И.а.я. был письменным языком: у него были пользователи, но не было носителей. Пользователи говорили на различных языках, распространенных на территории Ахеменидской империи.

Родным языком клана Ахеменидов, создателей империи, был древнеперсидский. К началу персидской экспансии на Ближнем Востоке древнеперсидский был бесписьменным языком, система письма для него была создана по официальному заказу уже в имперский период. Употребление древнеперсидского для письменной коммуникации оставалось ограниченным на протяжении всего существования Ахеменидской империи: на нем составляли преимущественно монументальные царские надписи и легенды на печатях, а главным официальным языком империи стал арамейский.

В первой половине V в. до н. э., т. е. в ранний период Ахеменидской империи, специфика языковой ситуации в ней заключалась в том, что для официальных целей употреблялись (в разной мере) четыре языка: арамейский, эламский, древнеперсидский и аккадский. Так, некоторые монументальные царские надписи выполнены на древнеперсидском, эламском и позднеавилонском диалекте аккадского. Наиболее пространной из текстов такого рода — знаменитая Бехистунская надпись Дария I (около 518 г.), которая является лингвистически наиболее информативным памятником древнеперсидского языка. В Персеполе, одной из столиц Ахеменидской империи, были обнаружены официальные архивы с более чем 30 тыс. административных документов на эламском языке, написанных на глиняных табличках. На части этих табличек имеются арамейские резюме. Вместе с эламскими документами хранились их дубликаты, написанные на кожаных свитках по-арамейски. В тех же архивах были найдены одноязычные арамейские тексты на глиняных табличках.

Выбор арамейского в качестве главного из официальных языков Ахеменидской империи объясняется факторами двух типов. С одной стороны, носители древнеперсидского языка были меньшинством в империи, а их язык не имел литературной тра-

диции, что затрудняло его использование как административного языка державы, объединившей под своим контролем весь Ближний Восток и восточное Средиземноморье. При этом, как известно, завоеватели-персы не претендовали на культурное главенство в созданном ими государстве. С другой стороны, аккадский, во II тыс. до н. э. обладавший статусом языка-посредника для официального международного общения на всем Ближнем Востоке, во второй трети I тыс. испытывал упадок, а его место в качестве лингва франка занял арамейский (о повышении коммуникативного статуса арамейского еще в эпоху Новоассирийской империи см. статью «Арамейские языки» в наст. издании). Повысив статус арамейского языка, Ахемениды в некотором смысле легитимировали ситуацию, уже сложившуюся ко времени создания империи. Вероятно, имело значение также то, что квазиалфавитная арамейская письменность была гораздо проще для усвоения, чем словесно-силлабическая аккадская. Многие исследователи полагают, что уже при Кире II, когда персы захватили Вавилон (539 г. до н. э.), арамейский стал языком центральных имперских учреждений, а при Дарии I (522–486 гг. до н. э.) он стал средством общения между государственными канцеляриями всей империи, включая восточные сатрапии.

1.3.2. И.а.я. как официальный письменный язык поддерживался на высоком уровне стандартизации прежде всего в области орфографии.

Корпус И.а.я., использованный в настоящем описании, включает тексты на И.а.я., которые дошли до нас на носителях, записанных в персидский период. К лингвистически в той или иной мере информативным относятся преимущественно следующие отдельные корпуса.

1. Тексты на папирусе, найденные в Египте на о. Элефантина, который находится ниже первого порога Нила, напротив Асуана — античной Сиены (по-гречески город назывался Σοῖνη). Почти все тексты этого архива написаны на протяжении V в. до н. э. Архив принадлежал поселению наемников-евреев, которые охраняли южную границу Ахеменидской империи. Он включает документы частного права, административные документы, письма, а также литературные тексты — фрагменты арамейского перевода Бехистунской надписи Дария I и Повести об Ахикаре Премудром.

Хронологически и отчасти содержательно к этому архиву близки фрагментарные тексты на папирусе (правовые документы, таможенные ведомости, квитанции о выдаче пищевых рационов), происходящие из разных мест в Египте. Часть из них была издана И.Б. Сегалом в 1983 г.

2. Архив персидского наместника в Египте Аршамы, включающий 13 писем на коже (V в. до н. э.). Аршама, автор большей части этих писем, называется в них *br but?*, букв. 'сын Дома'; в данном случае это обозначение интерпретируют как 'принц', т. е. 'член царского рода'. Этот персидский сановник известен также из арамейских текстов на папирусе, клинописных аккадских и греческих источников.

3. Письма и административные тексты на остраконах, происходящие из Египта и Палестины. Среди них выделяется корпус из примерно тысячи остраконов, преимущественно квитанций о выдаче зерна, найденных в Идумее (на юге Палестины) и датированных IV в. до н. э. Часть этих документов была опубликована в 1996–2002 гг. А. Лемером.

4. Документы частного права на папирусе, найденные в Самарии (середина IV в. до н. э.).

5. Надписи на каменных поверхностях (граффити или высеченные резцом), которые обнаружены преимущественно в Египте и Малой Азии.

6. Административные тексты из дворцового комплекса в Персеполе (V в. до н. э.). Они представляют собой сотни кратких стереотипных надписей на глиняных табличках (расписки о выдаче рационов вина) и каменных сосудах, где указываются сведения о лицах, которые передали эти сосуды во дворец.

Преобладание среди лингвистически информативных памятников И.а.я. египетских документов объясняется тем, что климат Египта позволяет папирусу и коже сохраняться тысячелетиями в естественных условиях.

В конце XIX в. в Египте был найден папирус с арамейским текстом, записанным египетскими демотическими, преимущественно алфавитными, знаками. Его большая часть известна как Amherst 63 из библиотеки П. Моргана в Нью-Йорке; фрагмент того же папируса хранится в университете шт. Мичиган (Michigan-Amherst 43b). Вероятно, это самый большой арамейский текст, дошедший до нас на носителе I тыс. до н. э.: в разной степени сохранились 422 строки, в среднем по семь слов в строке. Дешифровка Amherst 63 началась еще в 30-е гг. XX в.: тогда удалось установить, что папирус содержит арамейский текст религиозного содержания. В 1980–90-е гг. американский семитолог Р. Стейнер (в сотрудничестве с египтологом Ч. Нимсом) и голландские востоковеды С. Влеминг и Й. Весселиус предложили прочтения значительной части этого текста. Как показал Р. Стейнер, Amherst 63 содержит новогоднюю литургию политеистической арамейской общины из Верхнего Египта, а также историю об ассирийском царе Ашшурбанапале (669–630 гг. до н. э.) и его брате Шамаш-шумукине, хорошо известную из клинописных и античных источников. Литургический текст важен для исследований Ветхого Завета, так как обнаруживает знакомство его автора с древнееврейской религией. В частности, в тексте встречается имя древнееврейского бога (наряду с именами других божеств Передней Азии), а один из отрывков содержит несомненные текстуальные параллели с ветхозаветным Псалмом 20.

Датировка Amherst 63 была предметом долгой дискуссии; сейчас большинство специалистов датируют его по палеографическим критериям концом IV в. до н. э. В 1990-е гг. Р. Стейнер объявил о подготовке окончательного издания этого текста, однако оно до сих пор не вышло. В отсутствие издания нельзя утверждать, что этот текст написан на И.а.я., а не на другом арамейском диалекте. Неясно также, почему для его записи было использовано демотическое письмо. Р. Стейнер высказал предположение о том, что некий арамейский жрец (возможно из Асуана) продиктовал этот текст египетскому писцу, который не понимал его. Тот факт, что демотическая орфография Amherst 63 обнаруживает нетривиальные сходения с орфографией И.а.я. (см. 2.1.1., 2.1.3.), скорее противоречит этой гипотезе. Место и время создания текста, его содержание, а также некоторые особенности его орфографии свидетельствуют в пользу того, что он написан на И.а.я.

В 2001 г. Р. Стейнер опубликовал дешифровку короткого (четыре строки) арамейского заклинания на случай укуса скорпиона, которое записано демотическими знаками на скале в Вади-Хаммамат (Верхний Египет). Заглавие текста и описание ритуала написаны по-египетски. По палеографическим основаниям этот текст датируется концом VI в. — началом V в. до н. э.

В арамеистике большое внимание уделяется другому уникальному документу — табличке с двумя арамейскими заклинаниями, записанными аккадской слоговой клинописью. Прорисовка этого текста была впервые опубликована французским ассириологом Ф. Тюро-Данженом в 1922 г. (TCL 6, 58). Принято считать, что эта табличка была записана во II в. до н. э. в Уруке — в эту эпоху важнейшем центре клинопис-

ной культуры в Нижней Месопотамии (время создания самого текста неизвестно). Важность этого памятника для понимания арамейского языка прежде всего в том, что он представляет собой единственное синхронное свидетельство об арамейском вокализме второй половины I тыс. до н. э. Многочисленные интерпретаторы этого документа убедительно показали, что заклинание из Урука является памятником восточноарамейского диалекта, по морфологии и лексике близкого к классическому сирийскому языку и арамейскому языку Вавилонского Талмуда. Поэтому данные этого текста не учитываются в описании И.а.я., см. о нем в статье «Арамейские языки» в наст. издании.

После падения Ахеменидской империи И.а.я. утратил статус государственного языка, однако в течение нескольких последующих веков (примерно до начала III в. н. э.) он в некотором смысле оставался нормой для большей части арамейской письменности (см. об этом статью «Арамейские языки» в наст. издании). В частности, на эту норму ориентированы арамейские тексты, созданные в еврейской общине и включенные в Ветхий Завет (Jer 10:11; Esr 4:8–6:18; 7:12–26; Da 2:4b–7:28), а также арамейские тексты, хранившиеся в библиотеке Кумранской общины. В настоящем описании данные этих памятников постахеменидского И.а.я. не учитываются, их языковые черты описаны в статье «Арамейские языки» в наст. издании.

Таким образом, корпус памятников ахеменидского И.а.я. относительно невелик: среди классических семитских языков он сравним по объему с угаритским и финикийским корпусами, при этом многие административные документы на И.а.я. (например, квитанции и инвентарные описи) дают мало нового для понимания этого языка. Поэтому дешифровка и грамматическая интерпретация текстов И.а.я. были основаны на сравнении с библейским арамейским (единственным арамейским корпусом I тыс. до н. э., дошедшим до нас в составе письменного предания), и в особенности с данными обширных арамейских корпусов первой половины I тыс. н. э.

1.3.3. Сведений о том, как проходило обучение И.а.я., не сохранилось. В Египте были найдены остраконы с записями алфавита (D10.1–2, D22.28); возможно, что это писцовые упражнения. На этих остраконах засвидетельствована та же последовательность знаков, что и в еврейской алфавитной традиции (см. 1.4.0.).

И.а.я. относится к числу хорошо изученных семитских языков, что объясняется прежде всего его важностью для ветхозаветных и новозаветных исследований, а также компактным, но в то же время относительно обширным корпусом источников.

Большая часть папирусных документов из Элефантины, наиболее обширного корпуса И.а.я., была обнаружена в 1895–1908 гг. в ходе археологических раскопок, преимущественно немецкими экспедициями. В XX в. в качестве стандартного издания этих текстов обычно использовалась работа английского арамеиста А. Каули (1923). В 1986–1999 гг. израильские ученые Б. Портен и А. Ярдени издали почти полный свод ранее публиковавшихся арамейских документов из Египта в четырех томах. Это издание основано на сличении всех включенных в него текстов с оригиналами; оно содержит прорисовку каждого документа, его транслитерацию и переводы на английский язык и иврит. В томах 2–4 есть глоссарии с отсылками к текстам. В настоящем описании ссылки на тома этого издания вводятся сиглами А, В, С, D.

Немецкий гебраист П. Леандер в 1928 г. опубликовал описание фонологии и морфологии египетского арамейского, до сих пор не утратившее научного значения. Т. Мураока и Б. Портен в 1998 г. опубликовали грамматику всех арамейских текстов из Египта, которые в большинстве своем датируются Ахеменидской эпохой (второе

издание этой грамматики вышло в 2002 г.). Полного грамматического описания И.а.я., основанного на всех ахеменидских источниках, до сих пор не существует. Наиболее детальное исследование по грамматике всего корпуса представляет собой упомянутая выше монография М.Л. Фольмер «Арамейский язык в Ахеменидский период», в которой рассмотрены некоторые проблемы орфографии, морфологии, синтаксиса и словаря И.а.я.

Самое полное с точки зрения словника лексикографическое пособие по И.а.я. — «Словарь северо-западной семитской эпиграфики» голландских семитологов Й. Хофтайзера и К. Йонгелинга (1995). Как учебный материал и с точки зрения сравнительной арамейской филологии наиболее информативным лексикографическим пособием по И.а.я. является глоссарий в фундаментальной работе немецкого арамеиста К. Байера «Арамейские рукописи Мертвого моря» (1984 г., т. I; 2004 г., т. II). Он содержит словник ко всем арамейским текстам, написанным в Палестине в период с 200 г. до н. э. по 200 г. н. э., и арамейским текстам Ветхого Завета. Для каждого слова даются фонологическая и морфологическая реконструкция, краткие этимологические справки и сведения о его употреблении в И.а.я. и древнем арамейском, отчасти также в среднеарамейских языках. Глоссарий содержит систематические отсылки к очерку исторической фонологии и морфологии арамейского языка, который опубликован в этом же издании.

Главные научные центры, в которых изучается арамейский язык I тыс. до н. э. — университеты Израиля (Иерусалим, Бар-Илан), Германии, Нидерландов, Hebrew Union College в Цинциннати (США).

1.4.0. В арамейском консонантном алфавите 22 буквы. Письменность не имеет специальных знаков для гласных. Заглавных букв нет. Направление письма справа налево. В документах на папирусе и коже фонетические слова как правило разделяются пробелами. По внешней форме знаков различаются курсивный шрифт, который использовался при письме чернилами на папирусе, коже и остраконах, и монументальный шрифт надписей на каменных поверхностях. О предыстории арамейского алфавита см. статью «Происхождение и ранние этапы развития западносемитского алфавита» в наст. издании. В предлагаемой ниже таблице приводятся курсивные знаки эфемитских документов (колонка 2) с транслитерацией «квадратным» шрифтом (колонка 1) и посредством стандартных символов, которые в настоящем описании употребляются при цитировании алфавитных текстов И.а.я. (колонка 3).

1	2	3	1	2	3
א	א	ʾ	ל	ל	l
ב	ב	b	מ	מ	m
ג	ג	g	נ	נ	n
ד	ד	d	ס	ס	s
ה	ה	h	ע	ע	ʿ
ו	ו	w	פ	פ	p
ז	ז	z	צ	צ	ṣ
ח	ח	ḥ	ק	ק	q
ט	ט	ṭ	ר	ר	r
י	י	y	ש	ש	š
כ	כ	k	ת	ת	t

Древняя арамейская письменность, в отличие от угаритской и финикийской, часто использовала графемы ʾ /y/, ʾ /w/, ʾ /ʔ/, ʾ /h/ консонантного алфавита для обозначения гласных.

В словесном ауслaute гласные обычно отражаются на письме, для их передачи используются все четыре упомянутые выше буквы. На это указывают сведения разного рода: информация о составе корневых согласных данного слова, основанный на внешнем сравнении анализ структуры словоформ в текстах, сопоставление текстов И.а.я. с огласованными арамейскими корпусами (прежде всего с библейским арамейским), а также орфографические варианты в текстах. Лишь последние представляют собой синхронные сведения.

К орфографическим вариантам относится, в частности, чередование букв *h* и *ʔ* в ауслaute графического слова, например *sprh* '(этот) документ' (А.2.3:12) вместо обычной записи *sprʔ*. В этом случае буквами *h* и *ʔ* записывается показатель определенного статуса (см. 2.3.2., 2.3.6., 2.4.0.). Буква *ʔ* появляется в ауслaute главным образом на месте этимологической гортанной смычки /ʔ/, но также и в других позициях, например *znʔ* 'этот' (В3.10:15) вместо обычной записи *znh*. Имя древнееврейского бога в Элефантинских документах обычно записывается *yhw*, но изредка встречается запись *yhh* (например В2.7:14). Чередование *w/h* указывает на то, что буквы *w* и *h* в конце слова передавали здесь гласный.

Орфографическое варьирование, связанное с передачей гласных, встречается и в инлауте. Здесь в качестве *matres lectionis* используются буквы *y* и *w*, как видно из следующих примеров: *wydrng* vs. *wdrng* в одном и том же тексте (В2.10:2, 4) — несемитское имя собственное, возможно Видранга; *ʔhtwbsty* (А6.13:3, 4) vs. *ʔhtbsty* (А6.14:1, 4) в одном и том же архиве — неарамейское имя собственное, возможно Ахатубасти. Частотное существительное со значением 'провинция' засвидетельствовано в двух орфографических вариантах, с буквой *y* в инлауте и без нее: *mdyntʔ* (например А6.1:1) и *mdntʔ* (например А5.2:7). Отсюда следует, что буква *y* здесь, вероятно, обозначает гласный.

Поскольку вокализм И.а.я. неизвестен, то соответствия между *matres lectionis* и качеством гласных не могут быть установлены на основании синхронных данных. Однако на общий характер соответствия в какой-то мере указывают этимологические сведения.

Так, у глаголов в префиксальном спряжении буквы *w* и *y* регулярно появляются на месте рефлексов прасемитских гласных **ū* и **ī* в суффиксах 3-го лица множественного числа мужского рода и 2-го лица единственного числа женского рода, например *yʔkl-w* 'Пусть они едят!' (D7.17:10), *ʔl tqm-y* 'Не стой!' (А2.2:15), *yšbq-wn* 'они оставят' (TAD А.3.1:6), *tšmʔ-yn* 'ты услышишь' (D7.9:11).

В сравнительной арамейской перспективе представляется вероятным, что буква *y* могла использоваться для передачи рефлекса **ī* у прилагательных, образованных по моделям **qatīl* и (или) **qattīl*: *qryb w-rhʔq* (В2.1:8) vs. *qrb w-rhʔq* (В2.7:10) 'близкий или далекий' (устойчивый оборот в правовых документах).

Буква *w* появляется на месте рефлекса прасемитского **ū* в существительном *btwlh* 'девственница' (С1.1:134), ср. аккад. *batūl-* 'молодой человек', араб. *batūl-* 'девственница', др.-евр. *bətūlā*.

1.5.0. У И.а.я. Ахеменидской эпохи нет исторической периодизации: это объясняется относительной краткостью рассматриваемого в настоящем описании временного отрезка, но главным образом описанными выше особенностями функционирования

И.а.я. в качестве письменного языка. О понятии «постакхеменидский имперский арамейский» см. статью «Арамейские языки» в наст. издании.

1.6.0. Так как И.а.я. функционировал в контакте с рядом языков, распространенных в Ахеменидской империи, то арамеисты нередко предлагают объяснения тех или иных из его структурных черт за счет конвергенции. Тем не менее, углубленных исследований нелексических влияний языков древнего Ближнего Востока на арамейский I тыс. до н. э. до сих пор нет. Проблемы возможного структурного воздействия аккадского на древние и раннесредневековые арамейские языки рассмотрены Ст. Кауфманом в монографии 1974 г. Влияние древнеперсидского языка на И.а.я. затрагивалось в работах Э. Бенвениста (1954), Э.И. Кучера (1969, 1970), Х. Гзеллы (2004).

Для И.а.я. реконструируется консонантизм, практически тождественный древнееврейскому (см. 2.1.1. и статью «Древнееврейский язык» в наст. издании). Однако идентичные наборы согласных фонем в этих языках имеют разное происхождение (см. 2.1.1. и статью «Арамейские языки» в наст. издании). Поскольку древнееврейские рефлексы прасемитских согласных весьма близки к финикийским и поэтому считаются естественным результатом развития в ханаанейской подгруппе, некоторые арамеисты (прежде всего Э.И. Кутчер) допускали, что совпадение консонантизма в двух подгруппах северо-западных семитских языков можно объяснить влиянием ханаанейских языков на И.а.я. или на диалект, лежащий в его основе. Обоснование этой гипотезы сталкивается с рядом трудностей. Как известно, специфической чертой консонантизма древнего арамейского (первая треть I тыс. до н. э.) является сохранение прасемитской триады межзубных **t*, **d*, **t̥*, (записывавшихся, соответственно, буквами **𐤌** /š/, **𐤎** /z/, **𐤏** /s/), а также уникальная для семитских языков рефлексия латерального эмфатического сибиланта **ʃ* посредством заднеязычного звука, передававшегося на письме графемой **𐤑** /q/. Согласно гипотезе Кутчера, все эти четыре фонемы, отсутствующие в древнееврейском и совпавшие в И.а.я. с другими фонемами, были утрачены под ханаанейским влиянием. Однако исторические обстоятельства, при которых ханаанейский субстрат или адстрат мог столь серьезно повлиять на арамейский, неясны. В первой половине I тыс. до н. э. ханаанейские языки, в отличие от арамейских, имели сравнительно узкую географическую локализацию в Финикии, Палестине и Заиорданье, в то время как арамейский идиом, ставший основой И.а.я., бытовал в Месопотамии. Кроме того, консонантизм И.а.я. очень близок к консонантизму раннесредневековых арамейских языков, в частности восточноарамейских. Так как эти языки не произошли из И.а.я., то предполагаемое ханаанейское влияние едва ли способно объяснить историю арамейского консонантизма в целом.

Наиболее вероятным представляется иноязычное влияние на И.а.я. в области синтаксиса.

Так, нельзя исключать, что возникновение свойственного И.а.я. свободного порядка слов (см. 1.2.1., 2.5.3.) связано с аккадским и (или) древнеперсидским влиянием. В обоих этих языках базовый порядок слов SOV, в то время как в древнеарамейских эпиграфических памятниках преобладает порядок слов VSO.

Сказуемое придаточных условных предложений, вводимых условным союзом *hn* 'если', в И.а.я. часто имеет форму суффиксального спряжения — форму с базовым претеритным значением, хотя эти придаточные относятся к будущему (примеры см. 2.5.4.). Так как в монументальных памятниках древнего арамейского в придаточных условных как правило используется префиксальное спряжение (форма со значением

будущего времени), то узус И.а.я. можно объяснить аккадским влиянием: в младовавилонском диалекте аккадского придаточные условные с союзом *šumma* 'если' вводятся претеритом *irguš*, в новоассирийском такие придаточные используют «перфект» *irtagas*, главную форму прошедшего времени в этом диалекте. Характерно, что постахеменидский литературный арамейский (ветхозаветные и кумранские тексты) в протасисе условного периода использует преимущественно префиксальное спряжение, подобно древнему арамейскому. Если эта особенность синтаксиса И.а.я. действительно возникла под аккадским влиянием, то она составляет важное указание на природу И.а.я. как письменного кода, не ориентирующегося на какую бы то ни было разновидность устного языка.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Совокупность синхронных и (преимущественно) сравнительных данных указывает на то, что к о н с о н а н т и з м И.а.я. включал не менее 22 фонем, по числу знаков в арамейском алфавите. Однако ниже представлены данные, которые указывают на то, что согласных фонем могло быть и больше. Эти данные касаются рефлексии прасемитских интердентальных, гуттуральных и сибилантов в И.а.я.

В настоящем описании принимается, что в диалекте-источнике И.а.я., в отличие от древнего арамейского, рефлексии прасемитских интердентальных щелевых $*\underline{t}$, $*\underline{d}$, $*\underline{t}$ совпали с рефлексиями дентальных смычных, т. е. $*\underline{t} > t$, $*\underline{d} > d$, $*\underline{t} > t$. Этот вывод основывается на следующих фактах. Прасемитский $*\underline{t}$ в И.а.я. регулярно отражается графемой $\text{𐤌} /t/$, например *twr* 'бык' < $*\underline{t}awr$ - (A4.1:10). Единственное исключение составляет слово со значением 'сикль', при записи которого часто употребляется графема 𐤑 : *šql* наряду с *ql* (< $\sqrt{*}\underline{t}ql$). Вероятно, запись через 𐤑 представляет собой случай исторической орфографии, так как в древнем арамейском рефлекс $*\underline{t}$ записывался знаком 𐤑 .

Рефлекс прасемитского $*\underline{d}$ записывается в И.а.я. графемой $\text{𐤌} /z/$ (как в древнем арамейском) и $\text{𐤎} /d/$ (как в библейском арамейском и в раннесредневековых арамейских языках). Передача $*\underline{d}$ посредством буквы *z* встречается намного чаще, однако во всех корпусах И.а.я. наблюдается орфографическое варьирование *z/d*. Так, слово 'мужчина', консонантный состав которого реконструируется для прасемитского языка как $*\underline{d}kr$, записывается в египетских документах *zkr* (B3.4:21) и *dkr* (B2.6:17, 20). Слово 'золото' с этимологическим консонантизмом $*\underline{d}hb$ однажды записано *dhb* (B3.1:9), во всех остальных случаях оно записывается как *zhb*. В купчей из Самарии, составленной в 335 г. до н. э., содержится запись *dnh₁ ḥbd₂ zylh₃* 'этот₁ его₃ раб₂' (WDSP 1:2): слова *dnh* 'этот' и *zylh* 'его' содержат в качестве первой части рефлекс общесемитского дейктического элемента $*\underline{d}$. Тот же дейктический элемент присутствует в общеарамейском относительном местоимении, которое в И.а.я. как правило записывается *zy*. В египетских документах встречаются гиперкорректные записи буквой *z* для этимологического $*\underline{d}$, например *zyn w-zbb* 'судопроизводство', букв. 'суд и иск' (B3.4:17), вместо этимологически правильного *dyn w-dbb* (например B2.2:12). Демоническая орфография Amherst 63 свидетельствует о том, что в арамейском диалекте этого текста $*\underline{d}$ отражался как */d/*. Совокупность этих сведений подтверждает мнение П. Леандера, согласно которому в И.а.я. $*\underline{d}$ совпал с $*d$, однако большое количество записей $*\underline{d}$ буквой $\text{𐤌} /z/$ до сих пор не получило убедительного объяснения.

Прасемитский эмфатический межзубный $*\underline{t}$ последовательно отражается в графике И.а.я. как $\text{𐤌} /t/$, что свидетельствует о его слиянии с эмфатическим зубным $/t/$: *mntṯr*

‘охранять’ (С1.1:191), *ntyꜣ* ‘охрана’ (WDSP 9:5) (<√**ntꜣ*). Как уже упоминалось (см. 1.6.0.), в древнем арамейском рефлекс **t* записывался буквой *ṣ* /s/; как принято считать, это свидетельствует о том, что в древнем арамейском **t* сохранялся в качестве отдельной фонемы.

Рефлекс прасемитского эмфатического латерального сибиланта **ṣ*, подобно рефлексу **d*, имеет в И.а.я. двойное графическое выражение: посредством буквы *ṣ* /q/, как в древнем арамейском (ср. 1.6.0.), и посредством буквы *ṣ* /ʕ/, как в библейском арамейском, кумранском арамейском и раннесредневековых корпусах. Как и в случае с рефлексацией **d*, более частотной в И.а.я. является старая орфография. Орфографическое варьирование может встречаться в одном и том же тексте. Так, в правовом документе из Египта TAD B2.2 слово ‘земля’ (< **arṣ-*) шесть раз написано с буквой *ṣ* на месте **ṣ* (*ʔrṣʔ*), но однажды — с буквой *ṣ* (*ʔrʕʔ*). Частотное в корпусе слово со значением ‘дерево, древесина’ (< **ʕiṣ-*) всегда записывается через *ṣ*, т. е. *ʕq*. Первичное существительное **ṣaʔn-* ‘мелкий рогатый скот’ представлено в графике И.а.я. как *qn*. Частотное производное существительное *mwʕʔ* ‘восток’ (<√**wṣʔ* ‘выходить’) всегда записывается с *ṣ*.

Три корня, содержащие рефлекс прасемитского **ṣ*, встречаются в демотическом арамейском тексте. Как показал Р. Стейнер, в записи одного из этих корней демотическая графема *ḥ* должна интерпретироваться как выражение звонкого увулярного /ɣ/: *ḥʕn* (6:4) ‘мелкий рогатый скот’ (< **ṣaʔn-*). Однако в словах *ʕrk* (17:6, 11) ‘земля’ (< **arṣ-*) и *rḥk* (3:10) ‘мыть’ (< **rḥṣ*) **ṣ* передается демотическим знаком *k*. Последовательно фонологическая интерпретация этих данных затруднительна. Р. Стейнер и вслед за ним К. Байер предполагают, на основании единственного свидетельства демотического текста, что в И.а.я. **ṣ* реализовывался как /ɣ/ и лишь позже (по Байеру, к началу II в. до н. э.) совпал с фарингалом /ʕ/ во всех арамейских языках. Предположение Стейнера связано с тем, что в тексте Amherst 63 демотический знак *ḥ*, которым записан рефлекс **ṣ* в слове *ḥʕn* ‘мелкий рогатый скот’, используется и для отражения прасемитского **ɣ*, между тем как рефлекс прасемитского **ʕ* в Amherst 63 регулярно выражается демотическим знаком *ʕ*.

Алфавитные тексты на И.а.я. не позволяют сделать выбор между /ʕ/ и /ɣ/ как возможными рефлексами **ṣ*. Вероятно, записи типа *ʔrṣʔ* следует признать проявлением традиционной орфографии, хотя причина ее большой устойчивости неясна (ср. выше анализ рефлексации **d* в И.а.я.).

В орфографии Amherst 63 рефлексы прасемитских увулярных **ḥ* и **ɣ* отличаются от рефлексов прасемитских фарингалов **h* и **ʕ*: **ḥ* и **ɣ* передаются знаками *ḥ* или *ḥ*, а **h* и **ʕ* — знаками *h* и *ʕ*. Следующие примеры рефлексации **ḥ* и **ɣ* взяты из глоссария Р. Стейнера и А. Мошави к Amherst 63, который опубликован в качестве приложения к словарю Й. Хофтайзера и К. Йонгелинга: *ʔḥ* ‘брат’ (< **ʔaḥ-*), *yrḥ* ‘месяц’ (< **warḥ-*), *sʕḥyrn* ‘маленький’ (<√**ṣyr* ‘быть маленьким’), *hnḥr* ‘вводить’ (<√**ɣll* ‘вставлять, погружать’), *ḥrm* ‘мальчик’ (ср. угар. *ɣlm*, араб. *ɣulām-*). В алфавитных текстах рефлексы **ḥ* и **ɣ* записывались знаками для этимологических фарингалов **h* и **ʕ*, с которыми они в конце концов совпали во всех арамейских идиомах.

Прасемитские сибиланты **ṣ* и **ṣ* в текстах на И.а.я. обычно отражались знаком *ṣ*, как и в древнем арамейском. Однако не вызывает сомнений, что **ṣ* и **ṣ* в обоих этих корпусах не совпали, так как в арамейских корпусах рубежа христианской эры рефлексом прасемитского **ṣ* был как правило /s/, а рефлексом прасемитского **ṣ* был /ʕ/. Поэтому возможно, что знак *ṣ* был графическим отражением двух фонем в диа-

лекте–основе И.а.я.: альвеолярно–палатального сибиланта /š/ и латерального сибиланта /s/, который в более поздних арамейских идиомах перешел в /s/. Некоторые факты позволяют предполагать, что в устных арамейских диалектах переход *š > s произошел в период бытования И.а.я. как литературного языка. Так, в египетских документах *š несколько раз записан знаком 𐤓 {s}, например sb ‘старый’ (ВЗ.10:17), наряду с записью через 𐤑 {šb} в С1.1:17 (< √*šyb ‘быть седым, старым’). В Amherst 63 рефлекс *š как правило передается демотическим знаком для /s/, и лишь дважды встречается передача *š демотическим знаком для /š/: yšrp (20:10) ‘пусть он будет сожжен’ (< √*šrp ‘жечь’), škz (21:1) ‘большой’ (< *√šg? ‘быть многочисленным’). Для *√šg? в Amherst 63 засвидетельствован также орфографический вариант szkz (19:10).

Варьирование в передаче *š позволяет предположить, что данные И.а.я. поддаются и другому объяснению: *š мог совпасть с /s/ уже в диалекте–основе И.а.я., а запись рефлекса *š через 𐤑 в текстах И.а.я. при такой гипотезе следует считать архаизмом, орфографическим наследием древнеарамейского литературного языка. Настоящий анализ консонантизма И.а.я. показывает, что в ряде случаев традиционное правописание, отражающее орфографическую норму древнего арамейского, весьма характерно для И.а.я., ср. орфографическую рефлексацию *d и *š. Поскольку вопрос о том, каким был в И.а.я. рефлекс *š, не может быть решен окончательно, при записи корней, содержащих *š, в настоящем описании используется знак š, отражающий орфографию, а не фонологию.

Таким образом, минимально возможное количество согласных фонем в И.а.я. — 22, по числу букв в арамейском алфавите, однако сопоставление данных арамейских орфографий I тыс. до н. э. и анализ демотического текста позволяют, с некоторой степенью осторожности, довести число согласных до 25 (за счет включения š, ḥ и ʕ). В предлагаемой ниже таблице консонантизма И.а.я. эти согласные помещены в скобках.

По способу образования		По месту образования								
		Лабialsные	Дентальные	Альвеолярные	Палатальные	Велярные	Увулярные	Фарингальные	Ларингальные	
Шумные	Смычные	Гл.	p	t			k	(ḥ)	ḥ	h
		Зв.	b	d			g	(ʕ)	ʕ	ʔ
		Эмф.		ṭ			q			
	Фрикативные	Гл.			s, š					
		Зв.			z					
		Эмф.			š					
	Латеральные			(š)						
Сонорные	Назальные	m	n							
	Латеральные		l							
	Вибранты		r							
	Глайды	w			y					

К. Байер предложил детальную реконструкцию вокализма И.а.я., с полным описанием количественных и качественных характеристик гласных фонем; эта реконструкция основана на ряде допущений исторического характера и, в отсутствие синхронных сведений, остается гипотетической. Общее представление о гласных И.а.я. может дать реконструкция вокализма арамейских языков первой половины I тыс. до н. э., предложенная в статье «Арамейские языки» в наст. издании.

Как уже упоминалось, к анализу арамейского вокализма I тыс. до н. э. привлекаются данные клинописного арамейского заклинания, однако этот текст не относится к корпусу И.а.я. (см. 1.1.0.). Другой важный источник сведений об арамейском вокализме I тыс. до н. э. составляют арамейские лексические заимствования, встречающиеся в клинописных аккадских текстах с IX–VIII вв. до н. э. до конца аккадской письменности. Немецкий ассириолог В. фон Зоден собрал в 1966–1977 гг. около 250 арамеизмов, засвидетельствованных в аккадских текстах, однако арамейские грамматические черты этого корпуса до сих пор не описаны. По мнению К. Байера, большая часть собранного фон Зоденом материала является свидетельством о разговорных арамейских диалектах первой половины I тыс. до н. э. в Верхней Месопотамии, Вавилонии и областях к востоку от Тигра, но не об И.а.я.

Из-за отсутствия синхронных сведений реконструкция вокализма И.а.я. в настоящем описании не предлагается. Свидетельства об арамейском вокализме в клинописных записях арамейских текстов и слов рассматриваются в статье «Арамейские языки» в наст. издании.

2.1.2. Сведения о просодии отсутствуют.

2.1.3. Некоторые арамеисты полагают, что в И.а.я. уже действовало правило поствокальной спондизации неэмфатических шумных смычных /b/, /g/, /d/, /p/, /k/, /t/, которое позже повлияло на формирование консонантизма всех среднеарамейских языков и засвидетельствовано, в частности, масоретской обработкой библейского арамейского текста в конце I тыс. н. э. Однако спондизация смычных в И.а.я. не доказана, поэтому проблема ее датировки рассматривается в статье «Арамейские языки» в наст. издании.

2.1.4. Данные о структуре слога отсутствуют.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Соотношение слога и морфемы не поддается анализу, так как устройство слога в И.а.я. неизвестно.

2.2.2. В И.а.я., как и во всех древних семитских языках, корневые и аффиксальные морфемы различаются по допускаемым в них наборам согласных. В состав словоизменительных и частотных словообразовательных аффиксов входят согласные фонемы *ʔ, h, y, m, n, t*. В состав корня могут входить любые согласные. В исконной лексике почти не встречаются сочетания $R_1d, t, t + R_2s, z, s, š, š$.

2.2.3. Префиксальный породный показатель *-t-* подвергался метатезе и ассимиляции по звонкости, если первым радикалом был сибилант: *ystbln* (\sqrt{sbl}) 'они получают поддержку' (C1.1:73), *ʔštr* ($\sqrt{ʔr}$) 'я остался' (B3.12:6), *yšbf* ($\sqrt{šbf}$) 'он насытится' (C1.1:124), *ʔzdhry* (\sqrt{zhr}) 'берегись' (A2.1:8). В *t*-формах, образованных от «пустого» корня *šum* 'устанавливать', метатеза породного показателя с первым радикалом отсутствует: *yšm* 'пусть будет издан (указ)' (A6.7:8), *ytšum* 'пусть будет издан (указ)' (Cowley 27:21). Сравнительные арамейские данные позволяют предположить, что эти формы представляют собой *t*-производные с геминацией префикса *-t-* и гласной между ним и первым радикалом (**yittVšim*).

У префиксальных форм глаголов с R_{1n} иногда можно наблюдать контактную ассимиляцию /n/ следующему согласному, так как /n/ не появляется в алфавитной записи: *ʔtn-n-hy* (\sqrt{ntn}) ‘я отдам его’ (B1.1:11), *yḥtwn* ($\sqrt{nhṭ}$) ‘они спустятся’ (C1.2:6), *ʔpqn* (\sqrt{npq}) ‘он вывел меня’ (A2.6:4). В большинстве таких форм, однако, /n/ выписан, ср. например *ʔntn* ‘я дам’ (D.23.1.2:10), *ynpq* ‘пусть он выйдет’ (D.7.10:7). Согласно статистике, приводимой в грамматике Мураоки и Портена, из более чем ста префиксальных образований от \sqrt{ntn} ‘давать’ в египетском корпусе лишь в пяти случаях R_{1n} не выписан. В Amherst 63 наблюдается та же картина: /n/ обычно представлен в орфографии, например *mnpq* (\sqrt{npq}) ‘выйти’ (20:12), но есть и исключения, например *yḥtwn* ($\sqrt{nhṭ}$) ‘пусть они спустятся’ (18:5). В настоящем описании принимается следующее толкование этого варьирования: последовательное выписывание этимологического /n/ соответствовало орфографической норме И.а.я., а отсутствие буквы *n* там, где семитская морфология предполагает контакт /n/ со следующим согласным, представляет собой орфографическую ошибку и указывает на то, что авторы соответствующих текстов не произносили /n/ в этих контекстах. Норма, требовавшая выписывать непроносимый /n/, объясняется отсутствием ассимиляции этимологического /n/ в диалекте-основе И.а.я. (см. 1.2.1.). По сравнительным арамейским данным, ассимиляция /n/ приводит к геминии следующего согласного, т. е. записям *ytṇ* и *yntṇ* ‘он даст’ соответствует произношение с долгим /t/ (*yVttVn, ср. *yitten* в галилейском среднеарамейском).

У нескольких лексем в инлауте появляется буква *n*, которой не соответствует этимологический /n/. Эта орфографическая черта обнаруживается при записи ряда существительных, например *knkrn* (A4.7:28), но *kkrn* (Cowley 83:29) ‘таланты’ (по сравнительным данным праформа восстанавливается как **karkar-* > *kakkar-*, т. е. средний *k* был геминирован). Ср. также существительное *snpr* ‘птица’ (например C1.1:82): в огласованных арамейских идиомах это слово имеет вид *šippar*, родственные слова в других семитских языках не дают основания постулировать *n* в корне этого первичного существительного. Буква *n* всегда появляется в префиксальных образованиях от $\sqrt{ʔll}$ ‘входить’, например инфинитив G-породы *mnʔl* (A6.7:7), императив K-породы *hnʔlw* ‘Введите!’ (A6.10:7). В Amherst 63 демотическая графема *n* тоже встречается во всех префиксальных образованиях от этого корня (в его исконной форме γll), например *hnhr* ‘он ввел’ (21:9). Неэтимологический *n* засвидетельствован в образованиях с префиксом *m-* от \sqrt{slq} ‘подниматься’ и $\sqrt{wdʕ}$ ‘знать’: *msq* инфинитив G (B3.7:10; та же форма записана как *mslq* в B3.10:15), *mndʕ* ‘знание’ (C1.1:53). М. Фольмер обнаружила, что неэтимологический *n* в этих словах и формах обычно выписывается в текстах, максимально придерживающихся стандарта орфографии И.а.я., например в архиве Аршамы. Сравнительные арамейские данные показывают, что в текстах на И.а.я. у префиксальных дериватов корней \sqrt{ll} и \sqrt{slq} графема *n* появляется там, где ожидается геминия следующего согласного: так, записи *hnʔlw* ‘введите!’ соответствует реконструкция **haʕʕelū*. Это орфографическое явление не получило общепризнанной интерпретации. Некоторые авторы допускают, что в И.а.я. геминия в ряде случаев устранялась за счет назального элемента, как это иногда бывает в вавилонском диалекте аккадского языка. Соответственно, в записях вроде *hnʔlw* ‘введите!’ эти исследователи видят реально произносившийся «дегеминирующий /n/»: **hanʕelū*. Другие арамеисты предлагают противоположное объяснение: буква *n* использовалась в приведенных выше примерах для обозначения геминии по орфографической аналогии с непроносимой буквой *n*, регулярно выписывавшейся там, где этимологиче-

ский /n/ был ассимилирован следующему согласному: поскольку запись *yntn* 'он даст' (\sqrt{ntn}) соответствовало произношению **yitten*, то графема *n* стала применяться и для передачи долгого согласного в формах типа **hafʕelū* 'введите!' ($\sqrt{ʕll}$), что привело к записи *hnʕlw*. Ни одна из этих интерпретаций не объясняет лексической ограниченности рассматриваемой орфографической черты, которая не встречается в контекстах, где геминация имеет наибольшую содержательную нагрузку с точки зрения словообразования, например в глаголах D-породы. Наиболее вероятным представляется, что неэтимологический *n* был факультативным орфографическим показателем геминации в некоторых морфологически нетривиальных случаях. См. об этой проблеме также описания орфографии библейского арамейского, корпуса из Хатры и классического мандейского в статье «Арамейские языки» в наст. издании.

Показатель каузативной К-породы записывается в анлауте слова (в претерите, императиве и инфинитиве) буквами *h* или *ʔ*. В инлауте (т. е. в футуруме и причастии) он записывается буквой *h* либо не получает отражения на письме. В последнем случае принадлежность данной формы к К-породе может быть установлена с разной степенью достоверности преимущественно на основании анализа контекстов и словаря И.а.я. В письмах из канцелярии Аршамы формы К-породы всегда имеют породный аффикс *h*: *šlm hwšrt* ($\sqrt{wšr}$) *lk* 'я посылаю тебе привет' (претерит, например А6.3:1), *hyty* ($\sqrt{ʔty}$) 'он привел' (претерит, А6.12:1), *hwšrw* ($\sqrt{wšr}$) 'Пошлите!' (императив, А6.12:3), *hnʕlw* ($\sqrt{ʕll}$) 'Введите!' (императив, А6.10:7), *hytyh* ($\sqrt{ʔty}$) 'принести' (инфинитив, А6.13:5), *yhnpq* (\sqrt{npq}) 'он вынесет' (футурум, А6.13:3,5), *yhqr̄b* (\sqrt{qrb}) 'он приблизит' (футурум, А6.3:7), *mḥšmn* ($\sqrt{ḥsn}$) 'владеющие' (причастие, А6.2:3). В корпусе частных писем из Гермополя, орфография которых в ряде случаев отклоняется от нормы И.а.я. (см. 1.2.1.), преобладают формы К-породы без *h*. Так, в футуруме засвидетельствованы две записи с *h* и одиннадцать — без *h*, например *twšr* ($\sqrt{wšr}$) 'она пошлет' (А2.2:7). Причастия К-породы представлены в этом корпусе одной формой с *h* и тремя формами без *h*, например *lh mpqn* (\sqrt{npq}) 'не присылают' (А2.5:3). В претерите К-породы есть три записи с *h* и шесть — с буквой *ʔ*, например *ʔpq* 'он вывел' (\sqrt{npq} , А2.6:4). По данным грамматики Т. Мураоки и Б. Портена, в египетском арамейском корпусе насчитывается 45 форм К-породы без *h*, из них 23 — в письмах из Гермополя. Варьирование в записи форм К-породы наблюдается и в других группах документов, в особенности в частных письмах на папирусе. В Amherst 63 почти все вхождения К-породы записаны без *h*, исключение составляют лишь формы претерита и императива, образованные от \sqrt{yll} 'входить', которые записываются с демотическим *h* в анлауте. В настоящем описании совокупность этих данных предлагается интерпретировать следующим образом: записи с *h* предписывались орфографической нормой И.а.я., а записи без *h* появлялись под влиянием устных арамейских диалектов. Вероятно, что в этих диалектах показатель К-породы в формах с словоизменительными префиксами выражался гласной. Что касается буквы *ʔ* в формах без словоизменительных префиксов (например *ʔpq* 'он вывел'), то она отражала породный префикс, представленный гласной либо сочетанием гортанной смычки с гласным (*ʔV*).

В тех контекстах, где по сравнительным данным имеются рефлексы дифтонгических сочетаний **ay* и **aw* в инлауте, на месте **ay* как правило пишется буква *y*, а на месте **aw* — буква *w*: *hyty* 'он принес' (А6.12:1, о структуре этой формы К-породы см. в 2.5.1.), *hwšrw* 'Пришлите!' (А6.12:3, $\sqrt{wšr}$ К-порода). Примеры записей без *w* или *y* на месте исторических дифтонгов сравнительно немногочисленны, многие из них приходятся на письма из Гермополя (см. 1.2.1.), например *htty* 'ты принесла'

(A2.1:6), *tšry* 'ты_{ж.р.} пришлешь' (A2.3:10). Однако и в этом архиве нередки записи с *y* и *w*, например *thytn* 'вы_{ж.р.} принесете' (A2.5:5), *twšr* 'она пришлет' (A2.2:7). Оба варианта встречаются, в частности, в текстах, записанных одним и тем же писцом. Таким образом, «дефективные» записи свидетельствуют о монофтонгизации исторических дифтонгов в арамейских диалектах соответствующих языковых сообществ, а записи с *y* и *w* соответствуют орфографической норме И.а.я.

В анлауте слова R_1w переходит в *y*, как и во всех северо-западных семитских языках: *ydš* '(он) знает' (C1.1:113) vs. *hwdšn* 'мы сообщили' (A4.7:29) (дериваты корня *wdš* 'знать').

Данные этимологии и орфографического варьирования в корпусе И.а.я. позволяют предположить, что корневой /ʔ/ в ряде случаев не произносился. Так, в архиве персидского наместника в Египте Аршамы и некоторых других официальных документах этимологический /ʔ/ в каждом корне выписывается последовательно, при этом как внутри слова, так и в ауслауте, например *yʔmr* ($\sqrt{ʔmr}$) 'он скажет' (A6.8:2), *šgyʔ* ($\sqrt{šgyʔ}$) 'много' (A6.3:1). Однако в других архивах встречаются орфографические варианты, свидетельствующие о падении гортанной смычки в инлауте и ауслауте: *mmr* (A4.9:2) и *mʔmr* (C1.1:163) 'говорить' (префиксальный инфинитив G-породы $\sqrt{ʔmr}$), *šgy* и *šgyʔ* 'много' (A3.5:1, 2). Факты такого рода показывают, что орфографическая норма И.а.я. поддерживала запись корневого этимологического /ʔ/ во всех фонетических позициях, в некоторых из них /ʔ/ был утрачен арамейскими диалектами Ахеменидской эпохи, бытовавшими в устной форме. Вероятно, что /ʔ/ выпадал преимущественно в поствокальной позиции, как это происходит в более поздних арамейских диалектах.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

В выражении грамматических значений в И.а.я. преобладает синтетизм. К типично аналитическим чертам относится перифрастическая генитивная конструкция с предлогом *zu* (см. 2.3.4.) и глагольная перифраза, включающая глагол *hwu* 'быть' и причастие лексического глагола (см. 2.3.5.).

2.3.1. По морфологическим и семантическим критериям принято выделять следующие части речи: существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол, наречие, предлоги, союзы, частицы. Словоизменительными парадигмами обладают глагол, существительное и прилагательное.

2.3.2. У существительных в И.а.я. два рода — мужской и женский. Семантическая мотивация рода не прослеживается, за исключением существительных, лексически обозначающих половую принадлежность. Так, мужской род имеют существительные *ʔb* 'отец', *ʔh* 'брат', *br* 'сын', *hmr* 'осел'; женский род имеют существительные *ʔm* 'мать', *ʔhh* 'сестра', *brh* 'дочь', *ʔtn* 'ослица'. Мишенями согласования по роду являются прилагательные (см. 2.4.0.), указательно-анафорические местоимения (см. 2.3.6.), некоторые числительные (см. 2.3.3.), личные глагольные формы (см. 2.3.5., 2.4.0.).

У существительных мужского рода нет морфологического родового показателя. Производные существительные женского рода как правило имеют суффикс женского рода $*(a)t$, в зависимости от значений числа и статуса записываемый буквами *h/ʔ* или *t*, либо не получающий орфографического выражения (см. 2.4.0.). Как и в других семитских языках, многие непродеривированные существительные женского рода в И.а.я. не имеют суффиксального родового показателя, например *bʔr* *ḥd-h*_{ж.р.} 'один_{ж.р.} источник' (A4.5:6). Некоторые из них получают родовой показатель только во множе-

ственном числе, например *?rq*_{неопр.} 'земля' имеет определенную форму множественного числа *?rqt?*.

Как и во всех древних семитских языках, местоимения первого лица и глаголы в первом лице имеют лишь по одной форме, независимо от пола говорящего (см. 2.3.7., 2.4.0.). В этом смысле местоимения и глаголы 1-го лица можно назвать формами общего рода.

Согласно традиции описания И.а.я., существительное морфологически различает три формы словоизменительного с т а т у с а: сопряженный, неопределенный и определенный статус (для последних двух форм статуса употребляются также обозначения «абсолютный» vs. «эмфатический» статус). Значения статуса у существительных выражаются суффиксами, в ряде флективных форм кумулятивно со значениями числа (парадигму склонения существительных см. в 2.4.0.).

Прилагательные-зависимые слова в именной группе имеют два значения статуса: неопределенный и определенный. Статус атрибутивного прилагательного представляет собой внутреннюю согласовательную категорию: он копирует статус вершины (примеры см. 2.4.0.). Предикативные отглагольные прилагательные обычно употребляются в неопределенном статусе, примеры см. 2.3.6. Значения статуса у прилагательных в ряде случаев выражаются кумулятивно со значениями рода и числа (парадигму склонения прилагательных см. 2.4.0.).

Сопряженная форма морфологически маркирует вершину именной группы, к которой непосредственно примыкает зависимое существительное. Сопряженную форму принимают также существительные в именных группах с зависимыми-связанными притяжательными местоимениями (примеры см. в 2.3.4.).

Неопределенный и определенный статусы существительных выражают семантику детерминации и референтности (см. 2.3.6.). Таким образом, три формы статуса в И.а.я. не образуют единую грамматическую категорию.

2.3.3. Грамматическая категория ч и с л а имеет два значения — единственное и множественное. Категория числа представлена у существительных, прилагательных, глаголов, а также у личных и указательно-анафорических местоимений. В глагольном и именном предложениях сказуемое согласуется в числе с подлежащим, атрибутивное прилагательное согласуется в числе с определяемым существительным.

Для И.а.я. обычно допускается существование лексикализованных реликтов формы двойственного числа у существительных, обозначающих парные части тела. Однако из консонантных записей наличие дуалиса в И.а.я. не следует. Предполагаемые формы двойственного числа существительных были источниками согласования во множественном числе, например *?yn-yn tb-n*_{мн. ч.} 'хорошие_{мн. ч.} глаза' (С1.1:157). См. также ниже о внутренней форме числительных 'два' и 'двести'.

У существительных и прилагательных число выражается суффиксами (именные парадигмы см. в 2.4.0.). У некоторых существительных основы единственного и множественного числа различаются за счет суффиксированных элементов, появляющихся лишь у одной из основ. Ср. ед. ч. *?b-y* 'отец' (сопряж. + мест. 1 л. ед. ч.) — мн. ч. *?bh-y-n* (сопряж. + мест. 1 л. мн. ч.); ед. ч. *?q* 'дерево' (неопр.) — мн. ч. *?qh-n* (неопр.), наряду с неопр. мн. ч. *?q-n*; ед. ч. *?m* 'имя' (неопр.) — мн. ч. *?mht* (сопряж.); ед. ч. *?rq* 'земля' (неопр.) — мн. ч. *?rqt-?* (опр.); ед. ч. *mlh* 'слово', 'дело' (неопр.) — *ml-y?* (опр.), *ml-y* (сопряж.); ед. ч. *?nh* 'год' (неопр.) — мн. ч. *?n-yn* (неопр.); ед. ч. *?ph* 'губа' (неопр.) — *?pwt* (сопряж.). В ряде случаев формы единственного и множественного чисел образуются от супплетивных основ: ед. ч. *br* 'сын' (неопр.) — мн. ч.

bn-y (сопряж.), ед. ч. *brh* ‘дочь’ (неопр.) — *bnt-k* (сопряж. + мест. 2 л. ед. ч. м. р.), ед. ч. *?nth* ‘женщина’ (неопр.) — *nš-y?* (опр.).

О нерегулярном склонении существительного *by* ‘дом’ см. 2.5.1.

В египетских арамейских документах неоднократно встречается словоформа *nš(y)n*, которая внешне выглядит как множественное число неопределенного статуса со значением ‘женщины’ (см. парадигму склонения существительных в 2.4.0. и приведенную выше форму множественного числа определенного статуса *nš-y?* ‘женщины’), однако употребляется как форма единственного числа неопределенного статуса, например *nšn₁ rbh₂* ед. ч. неопр. ‘великая₂ дама₁’ (СЗ.9:12), *nšyn tpm_t* ‘женщина Тапамет’ (ВЗ.13:1), *nšn* 1 ‘одна женщина’ (ВЗ.4:3). Смысловое различие между словами *?nth* и *nš(y)n* не установлено.

В личных формах глагола число выражается флексией, по большей части слитно с другими грамматическими значениями (см. 2.4.0.). У местоимений число выражается лексически, кумулятивно со значениями рода и (у личных местоимений) лица (см. 2.3.6., 2.3.7.).

Система счета десятичная. В документах на И.а.я. широко применялись цифры, поэтому числительные сравнительно слабо отражены в алфавитной записи. Количественные числительные первого десятка изменяются по родам, согласуясь с исчисляемым в роде. Ниже представлены засвидетельствованные формы этих числительных.

	М. р.	Ж. р.
‘один’	<i>hd</i>	<i>hdh</i>
‘два’	<i>tryn</i>	<i>trtyn</i>
‘три’	<i>ilth</i>	<i>ilt</i>
‘четыре’	<i>?rbšh</i>	<i>?rbš</i>
‘пять’	<i>hmšh</i>	не засвидетельствовано
‘шесть’	<i>šth</i>	не засвидетельствовано
‘семь’	<i>šbšh</i>	<i>šbš</i>
‘восемь’	<i>tmnyh</i>	не засвидетельствовано
‘девять’	не засвидетельствовано	не засвидетельствовано
‘десять’	<i>šrh</i>	не засвидетельствовано

Как следует из таблицы, числительное ‘один’ имеет нулевой суффикс при исчисляемом мужского рода и *h* (графическое отражение суффикса женского рода **-at*) при исчисляемом женского рода. Числительное ‘два’ имеет морфологический облик дуалиса мужского и женского рода: в форме женского рода *tr-t-yn* родовой показатель *t* появляется между корнем и реликтовым суффиксом дуалиса *-yn*. Числительные от трех до десяти принимают суффикс *-h* при исчисляемом мужского рода и нулевой суффикс — при исчисляемом женского рода («полярный» способ выражения рода на мишенях согласования). Исчисляемые при всех числительных, начиная с *tryn* ‘два’, употребляются во множественном числе. Эти правила могут быть проиллюстрированы следующими примерами: *trtyn ml-n_{мн. ч. ж. р.}* ‘две вещи’ (С1.1:187), *ksp šql-n_{мн. ч. м. р.}* 4 *hw ?rbšh* ‘(ты дал мне в долг) серебра 4 сикля (четыре)’ (ВЗ.1:4), *?m-n_{мн. ч. м. р.}* *šbš* ‘семь локтей’ (ВЗ.7:4).

Из числительных второго десятка в алфавитной записи известны лишь *šrh w-tryn* ‘двенадцать’, букв. ‘десять и два’ и *šrh w-hmšh* ‘пятнадцать’, букв. ‘десять и пять’.

Из синтаксических контекстов следует, что оба элемента этих числительных согласованы в мужском роде с исчисляемыми. То же верно для числительных от 'одного' до 'девяти' в тех немногих случаях, когда они засвидетельствованы в составе других сложных числительных.

Названия круглых десятков неизменяемы, они образованы посредством суффиксов *-n* или *-yn* от основ соответствующих числительных первого десятка (*šr-n* 'двадцать', *llyt-yn* 'тридцать', *hms-n* 'пятьдесят'). По сравнительным данным, *-n* и *-yn* представляют собой варианты записи суффикса **-in*, выражающего множественное число у имен.

Числительное 'сто' имеет орфографический облик *mʔh*, это существительное женского рода. Числительное *mʔt-yn* 'двести' по внутренней форме представляет собой дуалис от *mʔh*. Из других названий сотен в И.а.я. засвидетельствовано лишь *ʔrbʔ*_{ж.р.} *mʔh*_{ед.ч.ж.р.} 'четыреста'. Числительное 'тысяча' имеет форму *ʔlp*.

Порядковые числительные не засвидетельствованы в алфавитной записи, так как в соответствующих контекстах употреблялись цифры.

Из дробных числительных известна лексема *plg* 'половина': *ʔmn 8 w-plg* 'восемь локтей и половина' (В3.10:6).

2.3.4. Личные местоимения имеют супплетивные падежные формы, которые выражают субъектно-объектные и атрибутивно-посессивные отношения (см. 2.3.6., 2.3.7.).

Так как существительные не изменяются по падежам, а порядок слов не связан жестко с выражением формально-синтаксических отношений, то в И.а.я. нет универсальных средств для противопоставления прямого дополнения-существительного подлежащему. Ср. следующий пример, в котором прямое дополнение не имеет формально-показателя: *ktb₁ hgy₂ sprʔ_{опр.} znʔ₄* 'Хаггай₂ написал₁ этот₄ документ_{3опр.}' (В3.6:15).

В ряде случаев функции аргументов кодируются предлогами. Адресат и реципиент обычно оформляются предлогом *l-* в его функции показателя непрямого дополнения: *hw₁ ʔmr₂ l-y₃* 'он₁ сказал₂ мне₃' (А4.3:9), *ʔmr PN₁ l-PN₂* 'имярек₁ сказал имяреку₂' (формула из шаблона контрактов, например В2.1:1 сл.), *ʔntn₁ l-k₂ kspʔ_{опр.}* 'Я дам₁ тебе₂ серебро_{опр.}' (TAD В2.1:13).

Предлог *l-* нередко вводит детерминированное прямое дополнение: *qtlw₁ l-mrdyʔ_{опр.}* 'Они убили₁ мятежников' (С2.1:13), *ʔnh₁ yhbt₂ l-ky₃ l-bytʔ_{4опр.} znh₅* 'Я₁ отдал₂ тебе₃ этот₅ дом₄' (В2.7:5), *mlkʔ₁ šʔl₂ l-gbryʔ_{опр.}* 'Царь₁ спросил₂ (этих) людей' (С1.1:77). Референтом прямого дополнения в таких случаях чаще бывает лицо.

Агнс в пассивной конструкции вводится предлогом *mn*: *bgʔ₁... zy₂ mn mrʔ₃ yhyb₄ ly₅* 'домен₁..., который₂ дан₄ мне₅ моим господином₃' (А6.13:1).

Обстоятельственные значения выражаются предложными группами. К частотным пространственным предлогам относятся *b-* 'в' (*b-mmpy* 'в Мемфисе', В8.2:10), *byn* 'между' (*byn twryʔ [ʔl]h tryn* 'между этими двумя горами', С1.1:62); *ʔl* '(по направлению) к' (*qrb ʔly* 'Приблизься ко мне!', С1.1:193), *l-* '(по направлению) к' (*ʔzl l-swn* 'Он пошел в Асуан', Cowley 50:2), *mn* 'от', 'из' (*hn₁ npqh₂ ʔbʔ₃ mn₄ pm₅* 'если₁ благое₃ (слово) выходит₂ из₄ уст₅', С1.1:171). Среди предлогов с временными значениями наиболее важны *ʔhry* 'после' (*ʔhry mwt-k* 'после твоей смерти', В3.5:17), *mn* 'от, после' (*mn uwmʔ znh* 'с этого дня', В2.6:4), *ʔd* 'до' (*ʔd kʔn* 'до сих пор', А4.3:7).

Наиболее частотным способом выражения п о с е с с и в н о с т и является сопряженное сочетание, т. е. именная группа с вершиной в сопряженной форме (см. 2.3.2., 2.4.0.) и зависимым существительным-экспонентом посессора: *ʔnpy_{сопр.} ʔsrhʔdn* 'лицо Ассаргадона' (С1.1:14), *ʔyny_{сопр.} ʔlhn* 'глаза богов' (С1.1:172), *byt_{сопр.} mlkʔ* 'дом'

царя' (В3.13:6), $\text{?grt}_{\text{сопр.}} \text{?ršm}$ 'письмо Аршамы' (А6.15:4). Посессор в сопряженном сочетании может быть выражен связанным притяжательным местоимением: btu-n 'наши дома' (В4.3:8), šmht-hm 'их имена' (С1.1:164).

Альтернативой сопряженному сочетанию является аналитическая посессивная конструкция, в которой посессор вводится предлогом zu : ?wšr? zu mlk? 'сокровищница царя' (В3.4:9), ?gwr? zu yhw 'храм (бога) yhw ' (А4.7:6). Имеется также усложненный вариант zu -конструкции: вершинное имя получает изафетный показатель — связанное местоимение 3-го лица, согласующееся в роде и числе с существительным, вводимым предлогом zu и обозначающим посессора: $\text{?bw-hy}_{\text{ед. ч. м. р.}} \text{zu ?srh?dn}$, букв. 'отец-его, Ассаргадона' (С1.1:47), $\text{?bdy-h}_{\text{ед. ч. ж. р.}} \text{zu mbthyh}$ 'рабы Мибтахйах' (В2.11:3), где mbthyh — имя владелицы.

Помимо связанных притяжательных местоимений, в И.а.я. есть автономное притяжательное местоимение с основой zyl- , которая образовалась в результате соединения посессивных предлогов zu и l- ; эта основа «спрягается» за счет связанных с ней местоимений, согласующихся в лице, числе и роде с посессором: $\text{br}_{\text{неопр. м. р.}} \text{zyl-h}_{\text{м. р.}}$ 'его сын' (В2.3:26), $\text{mlh}_{\text{неопр.}} \text{zyl-k}_{\text{м. р.}}$ 'твое₂ дело₁' (А3.6:4), $\text{?bdy?}_{\text{опр.}} \text{zyl-h}_{\text{м. р.}}$ 'его рабы', $\text{nksy?}_{\text{опр.}} \text{zyl-n?}$ 'наша собственность' (А6.10:1). Автономное притяжательное местоимение употребляется не только атрибутивно, как в приведенных примерах, но и в роли существительного: $\text{hw}_1 [\text{y}]\text{lqh}_2 \text{zyl-h}_{\text{м. р.}}$ 'он₁ возьмет₂ свое_{м. р.}}' (С1.1:107).

Так как существительные не могут принимать одновременно морфологические показатели детерминации (см. 2.4.0.) и суффиксированные притяжательные местоимения, то употребление независимого притяжательного местоимения позволяет совместить в атрибутивной синтагме выражение посессора с морфологическими показателями детерминации: $\text{?lym-?}_{\text{опр.}} \text{zyl-y}$ 'мой слуга_{опр.}}' (А6.3:1) vs. $\text{?lym-}\emptyset_{\text{неопр.}} \text{zyl-y}$ 'мой слуга_{неопр.}}' (А6.11:1).

Многозначный предлог l- имеет, в частности, посессивно-атрибутивное значение: $\text{?rmy zu swm l-dgl wryzt}$ 'арамей из Асуана, из отряда Вариазаты' (В2.1:2).

2.3.5. У глагола основной породы (см. 2.5.2.) засвидетельствованы финитные формы словоизменительного pa с a и wa , почти исключительно в претерите: $\text{mwm?}_{\text{ж. р.}}$ $\text{?yunt}_{\text{3 л. ед. ч. ж. р.}}$ 'клятва была возложена' (В2.3:24), $\text{qylw}_{\text{3 л. мн. ч.}}$ 'они были убиты' (А4.7:17), $\text{š?yltm}_{\text{2 л. мн. ч. м. р.}}$ 'вы были допрошены' (В2.9:8). Приведенные записи с буквой u после второго радикала и сравнительные данные указывают на то, что основа претерита внутреннего пассива G-породы имела типовой гласный i между вторым и третьим радикалами.

Наиболее универсальным способом выражения пассивного значения в И.а.я. была t- порода (см. 2.5.2.), смысловым инвариантом которой является снижение транзитивности по отношению к базовому лексическому значению глагольного корня. Ср. следующие примеры пассивного употребления t- породы: $\text{?gwr?}_1 \text{zu yhw}_2 \text{?lh?}_3 \text{zyln}_4 \text{ytbnh}_5$ 'Храм₁ нашего₄ бога₃ yhw_2 будет отстроено₅' (А4.10:8, $\sqrt{\text{bny}}$ 'строить'), yštih 'Пусть (сообщение) будет послано! (А6.2:4, $\sqrt{\text{šlh}}$ 'посылать сообщение'), $\text{?štkhw}_1 \text{b-bb?}_2 \text{bn?}_3 \text{w-?thdw}_4$ 'Они были обнаружены₁ у ворот₂ Фив₃ и схвачены₄' (А.4.4:6, $\sqrt{\text{šk}}$ 'находить', $\sqrt{\text{hd}}$ 'брат').

Рефлексив и декаузатив также выражаются t- породой: mh ytntr 'Как (человек) может уберечься?' (С1.1:96, $\sqrt{\text{ntr}}$ 'беречь, охранять'), yštb? 'он насытится' (С1.1:124, $\sqrt{\text{šb?}}$ 'быть сытым'), ?zdhr 'Берегись!' (А2.1:8, $\sqrt{\text{zhr}}$ 'обращать внимание'), ?štm?w 'Повинуйтесь!' (А6.8:3, $\sqrt{\text{šm?}}$ 'слышать, слушать'), $\text{?lhy mšryn ytknšwn}$ 'боги Египта соберутся' (С1.2:25, $\sqrt{\text{knš}}$ 'собирать').

Каузатив выражается К-породой (см. 2.5.2.): *yhnpq* ‘он вынесет’ (А6.13:3, \sqrt{npq} ‘выходить’), *kl zy hnʕlt* ‘все, что она принесла’ (В2.6:24, $\sqrt{ʕll}$ ‘входить’), *hqm-ny* ‘Установи меня!’ (С1.1:109, \sqrt{qwm} ‘стоять’). Значения того же типа (транзитив и каузатив) могут выражаться D-породой (см. 2.5.2.): *hybw_D-ny* ‘они обязали меня’ (В8.6:10, \sqrt{hwb} ‘быть обязанным’), *mly ʔhyqr... zy hkm_D l-brh* ‘слова Ахикара..., которым он обучил своего сына’ (С1.1:1, \sqrt{hkm} ‘знать’), *bytʔ zbn_D w-yhbn lk* ‘Мы продали и передали (этот) дом тебе’ (В3.12:6, \sqrt{zbn} ‘покупать’).

Глагол не обладает специальными морфологическими средствами для выражения в и д о в ы х значений. Дуративные и итеративные ситуации описываются глагольной перифразой, включающей финитную форму глагола *hwu* ‘быть’ и активное причастие смыслового глагола, часто в фоновых предложениях: *kzy ʔnh hwyt ʔth_{прич.}* [ʕ] *mrʔ[y]* ‘когда я шел к моему господину’ (А6.3:2), *kzy hwyn ʔbdn_{прич.} lk* ‘подобно тому, как мы делали для тебя’ (В3.6:12 сл.), *w-ktb ly nbz ʕl kl ksp w-mrby zy ʔhwh mšlm_{прич.} lk* ‘и ты напишешь мне расписку на все серебро и проценты, которые я буду выплачивать тебе’ (В4.2:6 сл.), *zy ʔrhʔ znʔ yhwh ʔdh_{прич.} ʔyš ʔl yʕml* ‘Всякий, кто будет проходить мимо по этой дороге, пусть не причиняет вреда (этой гробнице)’ (КАИ 318:3 сл.).

Перфектно-результативное значение выражается пассивными причастиями (см. 2.3.7.) в предикативном употреблении: *ʔnty šbyqh_{прич.}* ‘ты отпущена (на свободу)’ (В3.6:9), *ktwnk w-lbšk ʔbydn_{прич.}* ‘твоя туника и (верхняя) одежда (уже) сшиты’ (А3.3:9).

Косвенные наклонения представлены императивом и юссивом, парадигмы и примеры см. в 2.4.0. Императив имеет только положительные формы 2-го лица. Для выражения отрицательного предписания употребляется отрицание *ʔl* (см. 2.3.6.) с юссивом 2-го лица: *ytr ptp ʔl tntw_{юсс.} lhm* ‘не давайте им (ничего) сверх рациона’ (А6.9:6). Примеры юссивных форм см. в комментариях к глагольным парадигмам в 2.4.0.

2.3.6. У личных местоимений л и ц о выражается лексически (см. 2.3.7.). Финитные формы глагола согласуются в лице с семантическим субъектом (при прямом залоге) или семантическим объектом (в пассивных предложениях).

Значения д е т е р м и н а ц и и и р е ф е р е н т н о с т и у существительного получают морфологическое выражение за счет оппозиции форм определенного и неопределенного статусов (см. 2.3.2., 2.4.0.). Детерминирующая семантика определенной формы в отличие от неопределенной может быть проиллюстрирована следующей контрастной парой примеров: *zbnt... ktn-0_{неопр.}* ‘Я купил **тунику**_{неопр.}’ (А2.2:11) vs. *mʕt-ny ktn-h_{опр.} zy ʔwšrty ly... w-lbby lh dbq lh <...> wkʕt ktn-h_{опр.} zy htty ly swn hy mlbš ʔnh* ‘Я получил **тунику**_{опр.}, которую ты послала мне... но она мне не понравилась. <...> Но **туника**_{опр.}, которую ты доставила для меня в Асуан, — эту я ношу’ (А2.1:4-7). Следующие примеры показывают, что неопределенная форма может выражать значение нерелевантности: *spr-0_{неопр.} lh šlhty b-šmh* ‘Ты не послала письмá_{неопр.} на его имя’ (А2.3:5 сл.), *lh hwšr ly spr-0_{неопр.} w-mndʕm* ‘Он не послал мне ни письмá_{неопр.}, ни (вообще) ничего’ (А2.5:4), *ʔnhn bʕn ʔlp-0_{неопр.} w-utwnh lkn* ‘Мы ищем лодку_{неопр.}, чтобы они доставили его к вам’ (А2.6:9 сл.).

В И.а.я. есть две серии указательных местоимений, для ближнего и дальнего дейк-сиса. В следующей таблице они приводятся с орфографическими вариантами (см. 1.4.0., 2.1.1.), разделяемыми косой чертой:

		Ближний дейксис	Дальний дейксис
Ед. ч.	м. р.	<i>znh/zn?/dnh/dn?</i>	<i>zk/dk, znk</i>
	ж. р.	<i>z?/dh</i>	<i>zk, zky/dky, dk?</i>
Мн. ч.	общ. р.	<i>?lh</i>	<i>?lk, ?lky</i>

В качестве определений существительных эти указательные местоимения ведут себя подобно прилагательным, согласуясь с определяемым в числе, а при существительных в единственном числе — также и в роде: *spr?*_{м.р.} *zn?* ‘этот документ’ (В3.11:15), *?grt?*_{ж.р.} *z?* ‘это письмо’ (А3.3:11), *by?*_{м.р.} *?lh* ‘эти дома’ (В3.7:14), *mly?*_{ж.р.} *?lh* ‘эти слова’ (А3.9:5); *by?*_{м.р.} *znk* ‘тот дом’, *zk spr?*_{м.р.} ‘тот документ’ (В2.3:16), *spynt?*_{ж.р.} *zk* ‘тот корабль’ (А6.2:22), *mwm?h?*_{ж.р.} *dk?* ‘та клятва’ (В2.8:6), *dššy?*_{м.р.} *?lk* ‘те двери’ (А4.7:11), *hqlt?*_{ж.р.} *?lk* ‘те поля’ (В8.10:4).

К дейктическим наречиям относятся *?tml* ‘вчера’, *mhr* ‘завтра’, *tnh* ‘здесь’, *tmh* ‘там’.

Засвидетельствованы презентативные частицы *?rh*, *h?*, *hlw* ‘вот!’: *?rh l?* *?hy hw hrwš* ‘Вот, (разве) Харуц не мой брат?’ (А2.3:8), *hlw kpnn hmw* ‘Вот, они голодны!’ (D7.1:12).

Частицы *kšn*, *kšnt*, *kšt*, этимологически восходящие к дейктическому наречию со значением ‘сейчас’, регулярно употребляются в письмах как средство организации текста, отмечая, в частности, переход от приветствий в стандартной вводной части письма к его главному содержанию. Обычно они предваряются союзом *w-* ‘и’: *w-kšt tšn zy mšm lh mprn ln mn sw* ‘(Мы приветствуем вас) **итак**, вам следует знать, что нам ничего не доставляют из Асуана’ (А2.5:2 сл.).

В выражении категории *в р е м е н и* участвуют две финитные глагольные формы — претерит (в традиции описания «суффиксальное спряжение» или «перфект») и футурум («префиксальное спряжение» или «имперфект»), а также предикативное причастие. Словоизменительные аффиксы претерита и футурума с примерами форм, засвидетельствованных в корпусе, см. 2.4.0. Предикативное причастие морфологически представляет собой отглагольное прилагательное, оно имеет форму неопределенного статуса и согласуется с подлежащим в роде и числе.

В письмах и документах частного права абсолютное и относительное прошедшее кодируется претеритом, будущее — футурумом, а ситуации, одновременные моменту речи, выражаются предикативным причастием.

Примеры суффиксального спряжения в значении прошедшего времени: *?l tml lbt b-zy l?* *?yut?*_{прет.} *hmw mpru* ‘Не сердись из-за того, что я не **привез**_{прет.} их (= вышеупомянутые покупки) в Мемфис’ (А3.3:10), (...) *mt?*_{прет.} *?ly šlmk šmš?*_{прет.} *šgy?hdy?*_{прет.} ‘(Письмо) **пришло**_{прет.} ко мне, я **услышал**_{прет.} о твоём благополучии (и) очень **обрадовался**_{прет.}’ (А3.5:2).

Примеры префиксального спряжения в значении будущего: *mhnt?* *w-lbwnt?* *yqrbwn?*_{фут.} *?l mdbht?* *zk* ‘Хлебные приношения и благовоения они **будут приносить**_{фут.} на тот алтарь’ (А4.9:9 сл.), *?zl ?l PN w-yntn?*_{фут.} *lk ktwn* ‘Ступай к имяреку, и он **даст**_{фут.} тебе тунику’ (А3.8:8).

Примеры предикативного причастия в значении настоящего времени: *lh₁ šbq₂*_{прич.} *?nh₃ lh kdy mt?h₄*_{прич.} *ydy₅ wkšt ?bd₆*_{прич.} *?nh₇ lh* ‘Я₃ не₁ **оставляю**₂ его (своими заботами) в той мере, в какой я₅ могу₄ (букв. ‘доходит₄ моя рука₅’). Таким образом, я₇ **забочусь**₆ о нём’ (А2.4:4), *?nh₁ bšn₂*_{прич.} *?lp* ‘мы₁ **ищем**₂ лодку’ (А2.6:9 сл.), *PN ?m hyl?* *zy l-ydh l?* *mštmšn?*_{прич.} *ly* ‘Имярек и войско, которое у него под началом, не **подчиняются**_{прич.} мне’ (А6.8:1). Подлежащее, выражаемое существительным и личным место-

имением, может предшествовать сказуемому-предикативному причастию или следовать за ним (см. также 2.5.3. о порядке слов в именных предложениях).

Префиксальная форма получает семантику настоящего времени преимущественно в придаточных предложениях с модальным нереперентным значением: *wkʕt kl zy tʂbh*_{фут.} *šlh ly* 'Итак, обо всем, что ты **хочешь**_{фут.}, сообщай мне' (A2.4:7), *lʔ nsbl-n-k kzy ysb*_{фут.} *br*_{неопр. ст.} *l-ʔbw-hy* 'Мы не будем поддерживать тебя так, как сын_{неопр. ст.} **поддерживает**_{фут.} отца' (B3.6:13).

В перформативном значении используется претерит: *kʕn ʔnh mʕsyh ʔmrt*_{прет.} *lk* 'Итак (или 'сейчас?'), я, Махсейа, заявляю_{прет.} тебе' (B2.4:5).

Непредикативное отрицание и отрицание при глаголе в изъявительном наклонении — *lʔ* (с орфографическим вариантом *lh*, преимущественно в письмах из Гермополя), отрицание при юссиве — *ʔl* (примеры см. 2.3.5., 2.4.0.).

2.3.7. У существительных имеется род (мужской и женский), они изменяются по числам (см. 2.3.3.) и статусам (см. 2.3.2.). Атрибутивные прилагательные согласуются с существительными в роде, числе и статусе (определенном и неопределенном), употребляясь обычно в постпозиции (примеры склоняемых словоформ существительных и прилагательных см. 2.4.0., парадигмы имен).

У глагола морфологически выражены время и наклонение (см. 2.3.6., 2.4.0.), а также синтаксические значения лица, числа и рода.

К продуктивным отглагольным именам с регулярными значениями относятся инфинитивы и причастия.

Инфинитив представляет собой существительное с семантикой действия. Инфинитив не образует множественного числа. В большинстве случаев инфинитив вводит предложение *l*-. Инфинитив G-породы имеет субстантивный префикс *m*-. *m-šbq* 'оставить' (C1.1:192), *m-šlh* 'послать' (A1.1:7), *m-zbn* 'купить' (A3.10:5). У глагола *ʔmr* 'говорить' имеется архаический беспрефиксальный инфинитив *ʔmr*, который употребляется для ввода прямой речи, например в правовых документах: *lʔ ʔkhl*_{фут.} *ʔmr*_{фут.} *l-PN l-ʔmr*_{инф.} *irʔ ʔk lʔ zylk hw* 'Я не смогу_{фут.} (= не буду вправе) сказать_{фут.} имяреку **следующее**_{инф.}: «Те ворота — не твои» (B2.1:11 сл.). Вне контекста цитирования используется стандартный префиксальный инфинитив этого глагола: *yšmw n tʔ b-hnk-h l-mʔmr*_{инф.} 'Они вложат в его уста хорошее (слово) **для говорения**_{инф.}' (C1.1:163). Инфинитив K-породы имеет суффикс *-h* в неопределенном статусе и иногда префикс *m*- вместо породного префикса *h*-. *hytyh*_{инф. К} 'приносить' (A4.5:14), *mytyh*_{инф. К} 'приносить' (A2.4:11, $\sqrt{ʔty}$ 'приходить'), *hʕdyh*_{инф. К} 'устранять' (B3.11:13, $\sqrt{ʕdy}$ 'уходить, проходить'). В архиве из Гермополя засвидетельствованы также формы неопределенного статуса с суффиксом *-t*, например *mytyt* 'приносить' (A2.4:11). Инфинитив D-породы в неопределенном статусе тоже имеет суффикс *-h*: *zbnh* 'продать' (B2.4:6), *šlmh* 'выплатить' (B2.7:5). Инфинитив *t*-породы в И.а.я. не засвидетельствован. В сопряженном статусе (перед связанными местоимениями) инфинитивы производных пород имеют исход на *-t* или на *-wt*: *mwsrt*_{К-hm}_{м.р.} 'послать их' (A2.2:13, \sqrt{wsr}), *trkwt*_{D-h} 'изгнать ее' (B2.6:30, \sqrt{trk}), *mšlmwt*_{D-h}_{м.р.} 'выплата его (= долга)' (A2.2:13, $\sqrt{šlm}$). Инфинитивы в И.а.я. не употребляются в определенном статусе и не засвидетельствованы в позиции вершин именных групп с зависимым словом-существительным. Субъект инфинитивного оборота в И.а.я. не получает поверхностного выражения внутри оборота ни в виде существительного, ни в виде связанного местоимения. Инфинитив часто используется как дополнение модальных глаголов, среди которых наиболее частотны *ykl* 'мочь', *khl* 'мочь', *šby* 'хотеть', *ʔby*

‘хотеть’: *lʔ ʔkhl l-mplh_{инф.} b-bb hylʔ* ‘Я не смогу служить в воротах дворца’ (С1.1:17), *lʔ ʔbw l-mʔth_{инф.}* ‘Они не захотели прийти’ (D7.56:5). Интересно, что та же валентность нередко заполняется финитной формой смыслового глагола, согласующейся с модальным глаголом во времени, лице и числе: *lʔ nkhl_{фут.} ngrh_{фут.}* ‘Мы не **сможем судиться**_{фут.} (с твоими наследниками)’ (В3.4:13 сл.). Инфинитив может употребляться как обстоятельство цели: *ʔzlw l-ʔrqh zy ddrš l-mʔbd_{инф.} qrb* ‘Они двинулись навстречу Дадаршу, **чтобы вступить** в бой’ (С2.1:15). Инфинитив может определять существительное, т. е. выступать как зависимое в именной группе: *mlh l-mšm_{инф.} b-qmh* ‘соль для добавления_{инф.} в муку (= которую нужно положить в муку)’ (D7.2:7), *lh ʔškht ʔš l-mytyt_{инф.} lkn* ‘Я не нашел никого, кто бы доставил_{инф.} (это) вам’ (A2.4:11). Инфинитив лишь изредка появляется в функции подлежащего именной группы: *lʔ b-ydy ʔnšʔ mnišʔ_{инф.} rgl-hm w-mnihtwt_{инф.} -hm* ‘Не во власти людей **поднять** свои ноги и **опустить** их’ (С1.1:170). Таким образом, по морфосинтаксическим и синтаксическим критериям субстантивная природа инфинитива в И.а.я. несколько неполноценна.

Причастия имеют флексию прилагательных (см. 2.4.0.). От переходных глаголов G-породы образуются активные и пассивные причастия. У активных причастий G-породы нет отражающихся на письме словообразовательных аффиксов, поэтому орфографически они не выделяются на фоне других безаффиксальных имен: существование этих причастий следует из синтаксических критериев и сравнительной арамейской перспективы (примеры см. 2.3.6.). Пассивные причастия G-породы обычно пишутся с буквой *y* между вторым и третьим радикалами: *kyb-n_{мн. ч. ж. р. абс.}* ‘они_{ж. р.} написаны’ (В3.5:12), *kn ydyʔ_{прич. ед. ч. м. р. абс.}* *yhwu lk* ‘**пусть** это **будет** известно_{прич. ед. ч. м. р. абс.} тебе’ (A6.12:8), см. также примеры пассивных результативных причастий в 2.3.5. Таким образом, основа пассивных причастий G-породы тождественна основе пассивного претерита той же породы (см. 2.3.5.). Засвидетельствованы активные по семантике причастия производных пород K и D. Они образуются посредством префикса *m-*, у причастий K-породы в ряде случаев на письме представлен также породный показатель *h* (см. 2.2.3.): *mhsnm_к* ‘владеющие’ (A6.2:3), *lh mraqn_к* ‘не присылают’ (A2.5:3), *mhlk_д* ‘ходящий’ (В8.3:4). Для активных причастий наиболее характерна функция предиката в предложениях с семантикой настоящего времени (см. 2.3.6.). Причастия с активным значением могут употребляться как существительные с семантикой деятеля: *mkdb_{1прич.} gzyr₂ qdlh₃* ‘**лжец**₁ — его горло₃ перерезано₂’ (С1.1:134). Пассивные причастия употребляются как предикаты результативных предложений (см. 2.3.5.), как существительные с семантикой пациенса (*nphr₁ qtylyʔ_{2прич.}* ‘общее число₁ убитых₂’, С2.1:49), а также как атрибутивные прилагательные (*kwun₁ ptyhn₂прич.* ‘открытые₂ окна₁’, В2.10:6).

Личные местоимения имеют формы синтаксически автономного номинатива и связанного косвенного падежа (см. 2.4.0.).

Вопросительные местоимения имеют вид *mn* ‘кто?’, *mh* ‘что?’, неопределенные — *ʔyš/ʔš* ‘некто’, *mlh* ‘нечто’.

В И.а.я. хорошо засвидетельствовано предикативное слово *ʔt/ʔyt/ʔyty*, которое выражает идею наличия и образует вершину односоставных предложений: *hn ʔyt lk hmrm 10* ‘если у тебя есть десять ослов’ (A3.1:4 сл.), *ʔytu by* ‘имеется дом’ (КА1 319:10). В отличие от многих других арамейских языков (включая библейский арамейский, представляющий собой постахеменидскую редакцию И.а.я.), в описываемом корпусе это слово не употребляется со связанными субъектными местоимениями.

2.4.0. Образцы парадигм.

Местоимения

Личные

		Автономный номинатив	Связанный косвенный падеж
Ед. число			
1 л.		<i>?nh</i>	<i>-y/-ny</i>
2 л.	м. р.	<i>?nt</i>	<i>-k</i>
	ж. р.	<i>?nty, ?nt</i>	<i>-ky, -k</i>
3 л.	м. р.	<i>hw</i>	<i>-h/-hy</i>
	ж. р.	<i>hy, hy?</i>	<i>-h, -hh, -h?</i>
Мн. число			
1 л.		<i>?nhnh, ?nhn</i>	<i>-n, -n?</i>
2 л.	м. р.	<i>?ntm</i>	<i>-km, -kn, -kwn</i>
	ж. р.	не засвидетельствовано	<i>-kn</i>
3 л.	м. р.	<i>hmw</i>	<i>-hm, -hwm, -hn, -hwn</i>
	ж. р.	не засвидетельствовано	не засвидетельствовано

П р и м е ч а н и е: Через запятую в таблице приводятся орфографические варианты, через косую черту — позиционно распределенные формы.

Местоимения в номинативе используются как подлежащие в именных предложениях (примеры см. в 2.5.3.), и — при топикализации субъекта — в глагольных предложениях: *?nhnh₁ mnṣrt-n₂ lʔ₃ šbqn₄* ‘Мы₁ не₂ оставили₄ наших постов₂’ (A4.5:1). Формы косвенного падежа используются как прямые дополнения финитных глаголов и как зависимые в именных и предложных группах: *hwmyt-k_{м.р.}* ‘Я заклиная тебя_{м.р.}’ (KA1 318:2), *brt-ky_{ж.р.}* ‘твоя_{ж.р.} дочь’ (B3.6:4), *b-ky_{ж.р.}* ‘в тебе_{ж.р.}’ (B3.6:6).

В отличие от древнего арамейского, в И.а.я. нет связанных объектных местоимений 3-го лица множественного числа мужского рода, в этой позиции употребляются постпозитивные (вероятно клитизированные) субъектные формы, на письме отделяемые пробелом от управляющего глагола: *lʔ ?utyt hmw* ‘Я не приносил их’ (A3.3:10), *?hd hmw* ‘Он захватил их’ (A6.7:7). Однажды засвидетельствована независимая (записанная через пробел) объектная форма *hm*: *?hns l hm_{м.р.}* ‘Я заберу их_{м.р.}’ (B6.4:8), также один раз зафиксирована архаическая связанная форма этого объектного местоимения: *?ntn-hm_{м.р.}* ‘Я отдам их_{м.р.}’ (D23.1 II:15).

В сравнительной арамейской перспективе приведенные в таблице орфографические варианты *?nhnh* vs. *?nhn* ‘мы’, *-h* vs. *-hh/-h?* ‘ее’, *-n* vs. *-n?* ‘нас/наш’ могут быть истолкованы одним из двух способов: (1) написания с буквами *h* и *?* передают заударные гласные, орфографическая фиксация которых в этих случаях не была обязательной; (2) орфографическая норма И.а.я. поддерживала плепе-написания, а дефективные написания соответствовали произношению авторов, в устных арамейских диалектах которых соответствующие заударные гласные уже пали. В настоящем описании принимается вторая трактовка, так как с исторической точки зрения первая интерпретация противоречит орфографической практике И.а.я. (см. статью «Арамейские языки» в наст. издании о падении долгих заударных гласных в арамейских языках). В том же смысле следует толковать и варьирование в записи форм местоимений

единственного числа женского рода *?nty* vs. *?nt*, *-ky* vs. *-k*: дефективное написание представляет собой орфографическую ошибку в пользу живого произношения (ср. следующий пример варьирования в соседних строчках одного и того же документа: *ygrn-k*_{ж.р.} 'Он будет судиться с тобой_{ж.р.}' в В3.5:15 vs. *ygrn-ky*_{ж.р.} с тем же значением в В3.5:14).

У косвенного падежа местоимения 1-го лица единственного числа объектная форма отличается от формы, связанной с существительными и предлогами: *rhm-ny* 'Он любил меня' (С1.1:51), но *?b-y* 'мой отец' (А6.11:2), *?l-y* 'на мне' (А2.3:7).

Выбор формы связанного местоимения 3-го лица единственного числа мужского рода, *-h* или *-hy*, в значительной мере зависел от исхода опорного слова: при графическом исходе на *w* выбиралась форма *-hy*, в остальных случаях — форма *-h*: *?bw-hy* 'его отец' (В3.6:11) vs. *br-h* 'его сын' (А6.14:5), *brt-h* 'его дочь' (С3.9:18); *rglw-hy* 'его ноги' (А4.7:16), *?lw-hy* 'про него' (А3.10:7) vs. *l-h* 'для него' (А2.3:4); *?srw-hy* 'Они пленили его' (В8.5:8) vs. *qtl-h* 'Я убил его' (С1.1:49); *hwšrw-hy* 'отправьте его!' (D7.9:13), *ygrw-hy* 'Пусть они судятся с ним!' (А3.4:4). Сравнение с библейским арамейским и раннесредневековыми огласованными арамейскими корпусами показывает, что буква *w* в ауслауте опорной словоформы в этих случаях отражала этимологический гласный **ū* или дифтонг **aw*. Это правило распределения не соблюдается для носителей-глаголов в префиксальном спряжении и императиве: они как правило выбирают форму *-hy* и в отсутствие описанной выше фонологической мотивации, например *yntn-hy*_{м.р.} 'Пусть он даст это_{м.р.}!' (D7.29:9), *hb*_{м.р.}-*hy*_{м.р.} 'Дай_{м.р.} это_{м.р.}!' (D7.5:7). Формы префиксального спряжения с графемой *n* перед связанным местоимением (см. ниже) также обычно сочетаются с алломорфом *-hy*: *yʔm-n-hy*_{м.р.} 'он будет вкушать это_{м.р.}' (С1.1:208), *?tn-n-hy*_{м.р.} 'Я дам это_{м.р.}' (В1.1:11), но *?ntn-n-h*_{м.р.} 'Я дам это_{м.р.}' (В4.6:5).

В тех случаях, когда запись *-w-h* встречается там, где ожидается *-w-hy*, вероятно следует предполагать падение гласного элемента этого местоимения в живом языке: *?bw-h* 'его отец' (В3.6:12; в том же документе встречается *?bw-hy*).

У глаголов в префиксальном спряжении перед связанными местоимениями часто появляется буква *n*, например *yrt-n-h* 'Он унаследует у нее' (В2.6:21), *tšnʔ-n-k*_{м.р.} 'Она будет ненавидеть тебя_{м.р.}' (В2.4:8), *nšzb-n-k*_{м.р.} 'Мы спасем тебя_{м.р.}' (А3.1:8), *?l nqtl-n-hy* 'Давайте не будем убивать его!' (С1.1:61). В корпусе префиксальные формы с таким «добавочным» *n* перед связанными местоимениями более многочисленны, чем формы без *n*, как например *yʔrk-h*_{ж.р.} 'Пусть он приготовит её_{ж.р.}!' (D7.9:2), *yʔš-km* 'Он будет судиться с вами' (В2.10:15), *ngr-ky*_{ж.р.} 'Мы будем судиться с тобой_{ж.р.}' (В5.1:4). Семантическая нагрузка этого *-n* не установлена. См. также ниже, в комментариях к глагольной парадигме, о «добавочном» *-n* у префиксальных форм без связанных объектных местоимений. О значении *-n* в префиксальном спряжении перед связанными местоимениями для генеалогической классификации арамейских языков см. статью «Арамейские языки» в наст. издании.

Склонение имен

Склонением прилагательных здесь называется их изменение по родам, числам и статусам, склонением существительных — их изменение по числам и статусам (см. 2.3.2., 2.3.3.). В парадигмах представлены словоизменяющие суффиксы в орфографическом отражении.

Прилагательные

	Статус	Ед. число	Мн. число
М. р.	неопределенный	-∅	-n/-yn
	определенный	-ʔ/-h	-yʔ/-yh
Ж. р.	неопределенный	-ʔ/-h	-n
	определенный	-tʔ/-th	не засвидетельствовано

Как видно из парадигмы, в единственном числе орфографические показатели у форм мужского рода определенного статуса и форм женского рода неопределенного статуса совпадают. Показатель множественного числа мужского рода неопределенного статуса чаще выступает в виде *-n*, совпадая тем самым с соответствующим показателем женского рода. Примеры склоняемых форм атрибутивных и предикативных прилагательных: *spr-∅*₁ ед. ч. м. р. неопр. *hdt-∅*₂ ед. ч. м. р. неопр. *w-ʔtyq-∅*₃ ед. ч. м. р. неопр. 'новый₂ или старый₃ документ₁' (В2.3:16), *spr-ʔ*₁ ед. ч. м. р. опр. *ʔtyq-ʔ*₂ ед. ч. м. р. опр. 'старый₂ документ₁' (В3.12:31), *ʔnhnh*₁ м. р. *šqpn lbš-n*₃ мн. ч. м. р. неопр. *w-ʔym-yn*₄ мн. ч. м. р. неопр. 'Мы₁ носим₃ ветища₂ и постимся₄' (А4.7:19), *pqd-yʔ*₁ мн. ч. м. р. опр. *qdm-yʔ*₂ мн. ч. м. р. опр. 'прежние₂ чиновники₁' (А6.10:7), *ʔth*₁ ед. ч. ж. р. неопр. *ʔb-h*₂ ед. ч. ж. р. неопр. 'хороший₂ совет₁' (С1.1:57), *ʔtt-ʔ*₁ ед. ч. ж. р. опр. *ʔb-tʔ*₂ ед. ч. ж. р. опр. 'хороший₂ совет₁' (С1.1:42), *w-ʔpmt*_{ж. р.} *w-ʔhtsn*_{ж. р.} *msbl-n*_{мн. ч. ж. р. неопр.} *lh* 'И Тапамет_{ж. р.}, и Ахат-Син_{ж. р.} поддерживают его' (А2.3:5). Прилагательные в форме множественного числа женского рода определенного статуса в корпусе не обнаружены. Вероятно, что эта флективная форма имела на письме показатель *-tʔ/-th*.

Существительные

Мужской род		
Статус	Ед. число	Мн. число
Неопределенный	-∅	-n/-yn
Сопряженный	-∅	-y
Определенный	-ʔ/-h	-yʔ/-yh

Как видно из парадигмы, существительные мужского рода имеют тот же набор суффиксов, выражающих значения числа и статуса, что и прилагательные в мужском роде. См. примеры в комментарии к предыдущей парадигме, а также формы сопряженного статуса *mlk-∅*_{сопр.} *ʔtwr* 'царь Ассирии' (С1.1:10), *spr-y*_{сопр.} *mdyntʔ* 'чиновники провинции (или 'провинций')' (А6.1:1).

Женский род		
Статус	Ед. число	Мн. число
Неопределенный	-∅	-n
Сопряженный	-∅	-∅
Определенный	-ʔ/-h	-ʔ/-h

У большинства существительных женского рода основа включает суффиксальный родовой показатель **(a)t* (см. 2.3.2.). Этот показатель в неопределенном статусе единственного числа записывается как *h* или (значительно реже) как *t*, в неопределенном ста-

туса множественного числа он не выражается на письме, в остальных флективных формах он записывается как *t*: $?h-h-\emptyset$ _{неопр.} 'сестра' (B2.1:8), $?gr-t-\emptyset$ _{1 неопр.} *hd-h*_{2 ж. р. неопр.} 'некое₂ письмо₁' (A3.5:5) и $?gr-h-\emptyset$ _{неопр.} 'письмо' (A3.6:3), $?h-t-\emptyset$ _{сопр.-h} 'ее сестра' (B5.1:2), $?gr-t-\emptyset$ _{сопр.} *?ršm* 'письмо Аршамы' (A6.15:4), $?gr-t-?$ _{опр.} '(это) письмо' (A3.3:9), *sp-t-?_{опр.} '(этот) сосуд' (D7.33:6), *sp-n*_{1 неопр.} *ryqn-n*_{2 ж. р. неопр.} 'пустые₂ сосуды₁' (C3.7 Cr2:2), *mšh-t-\emptyset*_{сопр.-h} 'его (= дома) размеры' (B2.3:4), *mt-w*₁ $?gr-t-?$ _{2 опр.} 'письма₂ пришли₁' (A4.2:15).*

Как и в других арамейских языках, в И.а.я. некоторые частотные существительные обнаруживают нерегулярные черты в склонении, см. 2.3.2., 2.3.3., 2.5.1.

Г л а г о л

			Претерит	Футурум	Юссив	Императив
Ед. ч.	1 л.	общ. р.	S-t	?-S	?-S	
		м. р.	S-t	t-S	t-S	S- \emptyset
	2 л.	ж. р.	S-ty	t-S-(y)n	t-S-y	S-y
		м. р.	S- \emptyset	y-S	y-S	
	3 л.	ж. р.	S-t	t-S	t-S	
		м. р.	S-w	y-S-(w)n	y-S-w	
Мн. ч.	1 л.	общ. р.	S-n	n-S	не засвидет.	
		м. р.	S-tm/-twn/-tm	t-S-(w)n	t-S-w	S-w
	2 л.	ж. р.	S-tm	t-S-n	t-S-n	не засвидет.
		м. р.	S-w	y-S-(w)n	y-S-w	
	3 л.	ж. р.	S-w	не засвидет.	не засвидет.	
		м. р.	S-w	не засвидет.	не засвидет.	

П р и м е ч а н и е: В парадигме сиглой S обозначаются основы, к которым присоединяются словоизменительные аффиксы.

Примеры форм претерита: *šlh-t* 'я послал (письмо)' (A2.2:17), *šlh-t* 'ты послал' (A3.5:5), *šlh-ty* 'ты послала' (A3.5:5), *šlh-\emptyset* 'он послал' (A6.15:8), *yhb-t* 'она была отдана' (A6.15:1), *šlh-n* 'мы послали' (A4.7:29), *npq-tm*_{м. р.} 'вы вышли' (A3.3:3), *zbn-twn*_{ж. р.} 'вы купили' (A3.10:5), *šlh-tm*_{ж. р.} 'вы послали' (A2.5:8), *šlh-w*_{м. р.} 'они послали' (A3.5:5), *mt-w*_{ж. р.} *?grt?* 'письма пришли' (A4.2:15, \sqrt{mtu} 'приходить'). О том, что И.а.я., в отличие от ряда других арамейских языков, не различал родовых форм в 3-м лице множественного числа суффиксального спряжения, см. 1.2.1.

Примеры форм футурама: $?-šlh$ 'я пошлю' (A3.5:3), *t-šlm*_{м. р.} 'ты заплатишь' (A6.15:8), *t-šmʕ-un*_{ж. р.} 'ты услышишь' (D7.9:11), *y-šlh* 'он пошлет' (A6.8:3), *t-wšr* 'она отправит' (A2.2:7, $\sqrt{wšr}$ 'отправлять', К-порода), *n-ktb* 'мы напишем' (B2.11:14), *t-zbn-wn*_{м. р.} 'вы продадите' (B2.10:11), *t-hyt-n*_{ж. р.} 'вы принесете' (A2.5:5, $\sqrt{?tu}$ 'приходить', К-порода), *y-šbq-wn*_{м. р.} 'они оставят' (A3.1:6), *y-hnʕl-n*_{м. р.} 'они внесут' (A3.8:12, $\sqrt{ʕll}$ 'входить', К-порода).

У всех типов корней, кроме корней с третьим «слабым» радикалом *y*, юссив орфографически противопоставлен футуруму (т. е. индикативной форме префиксального спряжения) лишь во 2-м лице единственного числа женского рода и во 2-м и 3-м лице множественного числа мужского рода, за счет отсутствия буквы *n* в ауслауте: $?l$ *t-qm-y*_{ж. р.} 'Не стой!' (A2.2:15, \sqrt{qwm} 'стоять'), $?l$ *t-ikl-y*_{ж. р.} 'Не доверяй!' (D7.16:4), $?l$ *t-ntn-w*_{м. р.} 'Не давайте!' (A6.9:6), *y-šʕl-w*_{м. р.} 'Пусть они ищут!' (A3.7:1). У корней с третьим «слабым» радикалом *y* юссив отличается от футурама также во 2-м лице единственного числа мужского рода и 3-м лице единственного числа: в этих формах

юссив имеет в исходе букву *y*, а футурум — *h*. Ср. примеры форм, образованных от корней *hwy* 'быть' и *hly* 'быть сладким': *y-hwh* 'он будет' (A3.6:3) vs. *y-hwy* 'Пусть он будет!' (A2.2:14), *t-hwh* 'она будет' (B4.2:3) vs. *t-hwy* 'Пусть она будет!' (C1.1:84), *t-hwh*_{м.р.} 'ты будешь' (C2.1:64) vs. *?l t-hly* 'Не будь сладким!' (C1.1:148).

В корпусе засвидетельствованы четыре формы единственного числа префиксального спряжения с «добавочной» графемой *-n* в исходе: *hn y?hd-n* 'если он схватит' (C1.1:107), *?l tlqh-n*_{м.р.} 'Не бери!' (C1.1:167), *?šlm-n* 'я заплачу' (B4.6:5), *hn ?šbq-n* 'если я покину' (C1.1:177). Во всех четырех случаях элемент *n* связан с переходными глаголами, семантические объекты которых не выражены поверхностно в соответствующих предложениях, но известны из окружающего текста. Поэтому можно предположить, что в этих случаях *-n* имеет функцию анафора.

Примеры форм императива (от $\sqrt{?bd}$ 'делать'): *?bd-0*_{м.р.} 'Делай!' (A6.2:22), *?bd-y*_{ж.р.} 'Делай!' (B2.3:27), *?bd-w*_{м.р.} 'Делайте!' (A6.8:3).

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Устройство словоформы в И.а.я. в целом такое же, что и в других древних арамейских языках, однако синхронная морфологическая структура слова недостаточно прозрачна, так как орфография плохо приспособлена к передаче вокализма и не отражает геминацию согласных.

Глагол имеет основу, в которую входят согласные корня и породных аффиксов (см. 2.5.2.). С этой основой соединяются внешние флективные показатели (см. 2.4.0.), кодирующие значения лица, числа и рода.

Глаголы со «слабыми» радикалами обнаруживают морфологические аномалии по сравнению с целым (или «сильным») глаголом.

У глаголов с R_1w/y (см. 2.2.3.) первый радикал не отражается на письме в префиксальном спряжении и не участвует в образовании императива: *t-tb* 'Она будет жить' (B2.6:23, \sqrt{wtb} 'жить, обитать'), *tb*_{м.р.} 'Находись!' (B2.4:6). Та же особенность наблюдается у императива глаголов с R_1n : *ht*_{м.р.} 'Спустись!' (A3.8:8, \sqrt{nhit}), *tr*_{м.р.} 'Следи!' (C1.1:82, \sqrt{nr}). О контактной ассимиляции R_1n в префиксальных образованиях см. 2.2.3. У глагола *lqh* 'брать', подобно глаголам с R_1n , первый корневой согласный в префиксальном спряжении выписывается непоследовательно и отсутствует в императиве: *y-qhwn-h* 'они возьмут его' (D4.8:1) vs. *y-lqh* 'он возьмет' (B6.4:1), *qh*_{м.р.} 'Возьми!' (D1.14:2).

Вероятно, что в живых арамейских диалектах Ахеменидской эпохи глаголы с этимологическим $R_3?$ полностью уподобились глаголам с R_3y , однако различие этих двух классов глаголов поддерживалось орфографической нормой (см. 2.2.3.). Ср. следующие примеры ($\sqrt{kl?}$ 'задерживать, удерживать'): *ykl?w* 'они не задержат' (D7.10:3) vs. *klw* 'они задержали' (A4.2:15). У глаголов с R_3y третий радикал реализуется в виде гласного по крайней мере в части морфологических контекстов. Это следует из того, что R_3y не имеет единообразного выражения в орфографии: он записывается как *y* либо не получает орфографического отражения. Ср. следующие примеры суффиксального спряжения от корней *hwy* 'быть' и *šby* 'хотеть': *hw-t* (A2.5:8) и *hwy-t* (A6.3:2) 'я был(а)' (орфографическое варьирование в записи одной и той же формы); *šb-ty* 'ты хотела' (D7.17:8). См. также примеры префиксальных форм глаголов R_3y в 2.4.0., комментарий к глагольным парадигмам.

У «пустых» глаголов, т. е. глаголов, образованных от корней со средним радикалом *w/y*, этот радикал, как и во многих других арамейских языках, в большинстве засвидетельствованных форм реализовывался в виде гласного. Это следует из орфо-

графического варьирования в тех грамматических формах, где R₂w/y отражается на письме: *?mwt* 'я умру' (B3.5:18, \sqrt{mwt}) vs. *?qm* 'я встану' (B1.1:10, \sqrt{qwm}), *hqm* 'он установил' (C1.1:12, К-порода \sqrt{qwm}) vs. *hqm* 'он установил' (D23.1 Va:8).

У глагола, образованного по модели К-породы от $\sqrt{?ty}$ 'приходить' и имеющего значение 'приносить', первый радикал орфографически реализуется как у, например *hyty* 'он принес' (A6.12:1).

Глагольные корни *yhb* и *ntn*, имеющие значение 'давать', образуют супплетивную парадигму: префиксальные формы образуются от \sqrt{ntn} , а формы без префиксов — от \sqrt{yhb} : *yhbt* 'я дал' (B2.3:3), *hb*_{имп. м. р.} 'Дай!' (A3.8:5), *yhbt*_{прич. ж. р.} 'дающая' (A2.2:14); *y-ntn* 'он даст' (B2.1:3), *mntn*_{инф.} 'дать' (B2.3:16).

Существительное мужского рода *by* 'дом' имеет уникальную нерегулярную флексию: ед. ч. неопр. ст. *by* (B5.6:4), ед. ч. сопряж. ст. *bt* (*bt bnt* 'храм (богини) Банит', A2.2:12) и *byt* (*byt bnt* 'храм (богини) Банит', A2.2:1), ед. ч. опр. ст. *byt?* (B2.4:12), мн. ч. опр. ст. *btu?* (A4.4:8).

2.5.2. Средством глагольного словообразования являются породы. В корпусе засвидетельствованы исходная порода (в описании она обозначается сиглой G), и морфологически осложненные основы: К-порода, D-порода и t-порода (см. также 2.3.5.). Разновидности грамматической семантики G-породы (например, значение переходности) не связаны с какими-либо формальными показателями, отражающимися в орфографии. О морфологических показателях К-породы см. 2.2.3., о семантике производных пород см. 2.3.5.

О существовании «интенсивной» D-породы в И.а.я. свидетельствуют прежде всего семантико-синтаксические данные, так как орфография не позволяет противопоставить финитные формы G- и D-пород. Например, дериваты корня *zbn* имеют в И.а.я. значения 'покупать' и 'продавать': *zbnt*_{G...} *ktn* 'Я купил тунику' (A2.2:11) vs. *byt?* *zbn*_D *w-yhbn lk* 'Мы продали и (тем самым) передали этот дом тебе' (B3.12:6). Производные корня \sqrt{qrb} имеют значения 'быть/стать близким' и 'приближать': *qrb*_G *?ly* 'Приблизься ко мне!' (C1.1:193) vs. *qrbt*_{D-k} 'я приблизил тебя' (C1.1:50). Для этих двух случаев естественно допустить, что значения, связанные с повышением транзитивности, выражаются D-породой, как это имеет место у обоих этих корней в арамейских языках первой половины I тысячелетия христианской эры. У «пустого» глагольного корня *hwb* 'быть обязанным' засвидетельствованы некаузативные дериваты, например *?hwb*_{фут.} 'я буду должен' (B3.11:10), но также и каузативный дериват *hybw*_{прет.-ну} 'они обязали меня' (B8.6:10). Так как в «огласованных» арамейских корпусах D-порода пустых корней образуется с геминированным /y/ в позиции второго радикала, то вероятно, что в случае *hybw* 'они обязали' орфография указывает на D-породу.

Морфологическим показателем t-породы является префикс *t* в основе глагольной словоформы (см. 2.5.1., примеры см. 2.3.5.). В формах без флективных префиксов (т. е. в претерите и императиве) у глаголов t-породы в анлауте появляется графема *?*. Вероятно, она отражает протетический гласный, облегчающий произношение начального кластера #tR₁ или #R₁t (см. 2.2.3.): *?štbq* 'он был оставлен' (A6.11:2, $\sqrt{šbq}$ 'оставлять'), *?zdhyr* 'Берегись!' (A2.1:8, \sqrt{zhr} 'обращать внимание'). Однажды в анлауте засвидетельствована графема *h*: *hzdhyr* 'берегись!' (D7.9:9). Консонантная орфография не позволяет надежно различить среди t-производных дериваты исходной породы (tG), интенсивной породы (tD) и каузативной породы (tK), которые формально противопоставлены в некоторых более поздних арамейских корпусах с зафикси-

рованной на письме традицией чтения.

Именно это словообразование. Отглагольные существительные с семантикой действия представлены инфинитивами (см. 2.3.7.). Отглагольные существительные с семантикой деятеля и пациенса представлены причастиями (см. 2.3.7.).

Отглагольные абстрактные и конкретные существительные образуются с помощью суффикса *-n*, например *ḥsr-n* ‘потеря’ (<√*ḥsr* ‘недоставать’, А4.3:9), *ytr-n* ‘избыток’ (<√*wtr* ‘быть в избытке’, С3. 11:6), *mny-n* ‘число’ (<√*mny* ‘считать’, В4.5:3), *zkr-n* ‘резюме, меморандум’ (<√*dkr* < **dkr* ‘помнить’, А4.9:1).

Отыменные существительные и прилагательные образуются с помощью суффикса *-y*, например: *?rm-y* ‘арамей’ (В2.1:2), *ḥrzm-y* ‘хорезмиец’ (В2.2:2), *bḥtr-y* ‘бактриец’ (D2.12:2), *ksp-y* ‘каспиец’ (В2.7:18), *ṯṯt-y* ‘нижний’ (В3.5:8).

Засвидетельствовано несколько абстрактных существительных, образованных с помощью суффикса *-w*, например *?nt-w* ‘замужество’ (< *?nth* ‘женщина, жена’, В2.8:4), *mrr-w* ‘горечь’ (<√*mrr* ‘быть горьким’, С1.1:123).

2.5.3. В атрибутивной синтагме постпозитивное определение-прилагательное согласуется с определяемым в роде, числе и состоянии (примеры см. 2.4.0., парадигма склонения прилагательных).

Порядок слов в независимых глагольных предложениях свободный (см. 1.2.1., 1.6.0.); все факторы, определяющие его варьирование, трудно установить из-за ограниченности корпуса. В ряде случаев порядок слов определялся жанром и композицией текста. Типы предложений с различным порядком слов могут быть проиллюстрированы следующими примерами: *ktb₁ PN₂ spr₃ znh* ‘Имярек₂ написал₁ этот документ₃’ (это высказывание с порядком VSO регулярно встречается в завершающей части правовых документов, например в TAD В2.1:15); *PN₁ lh hwšr₂ ly... mndšm₃* ‘Имярек₁ не послал₂ мне... ничего₃’ (А2.5:4, SVO); *kšn ?nt₁ gbrn₂ kšrn mny₃* ‘Итак, ты₁ назначь₃ подходящих людей₂’ (Segal 26:7, SOV), *?ḥrn₁ mlk₂ yšlh₃* ‘Царь₂ пошлет₃ других₁’ (С1.1:62, OSV).

В именных предложениях личное местоимение-подлежащее занимает вторую позицию: *ḥy₁ ?nh₂ w-ḥn₃ mt₄ ?nh₅* ‘будь я жив или мертв’ (букв. ‘жив₁ я₂ и если₃ мертв₄ я₅’) (А2.5:9), *šb₁ ?nh₂* ‘я₂ стар₁’ (С1.1:17). При топикализации подлежащее-личное местоимение занимает первую позицию: *hy₁ ?ntty₂ w?nh₃ bšlh₄ mn uwm? znh wšd ?lm* ‘Она₁ — моя жена₂, а я₃ — ее муж₄, с этого дня и навсегда’ (В3.3:3). Подлежащее-существительное занимает первую позицию: *mlk₁ k-rḥmn₂* ‘Царь₁ подобен милостивому₂ (человеку)’ (С1.1:91).

В корпусе почти не засвидетельствованы общевпросительные предложения. Ср. следующий пример риторического вопроса: *?rh l? ?ḥy₁ hw₂ ḥrwš₃*, букв. ‘Вот, (разве) Харуц он₂ не мой брат₁?’ (А2.3:8). Частновпросительные предложения вводятся вопросительными местоимениями (см. 2.3.7.): *mh t?mrn* ‘Что вы скажете?’ (D7.16:12).

2.5.4. Части сложносочиненных предложений соединяются сочинительным союзом *w-’и’*: *ndn šmh bry rb? w-hw yḥlp ly* ‘Мой сын по имени Надин вырос, и он заменит меня’ (С1.1:18).

Прямая речь часто вводится архаической инфинитивной формой *l-?mr* (см. пример в 2.3.7.) либо частицей *lm*: *w-l? ?kl_{фут.} ?mr_{фут.} l-k lm šlmt-k b-ksp-k* ‘И я не буду вправо_{фут.} сказать_{фут.} тебе: «Я выплатил тебе твоё серебро»’ (В3.1:11).

Относительные и дополнительные придаточные вводятся частицей *zy*, которая употребляется также как предлог, вводящий зависимое существительное в именной группе (см. 2.3.4.): *kl₁ gšr₂ zy yškḥ₄ yzbn₅* ‘Пусть он покупает₅ вся-

кое₁ бревно₂, **которое**₃ найдет₄' (A2.2:15), *tdʾn₁ zy₂ mdʾm₃ lh₄ mʾqn₅ ln₆* 'Вам следует знать₁, **что**₂ нам₆ ничего₃ не₄ доставляют₅' (A2.5:2).

Придаточные обстоятельственные с разными значениями вводятся союзом *kzy*, этимологически представляющим собой сочетание частиц *k-* 'как' и *zy*. Этим способом могут оформляться придаточные времени (*kzy hzyt... ʾnyt* 'Когда я увидел..., я ответил', C1.1:14), придаточные со значением сравнения или образа действия (*kzy hwh l-qdmn* '(Следует отстроить храм таким), **каким** он был прежде', A4.9:8; *lʾ nsbl-n-k kzy ysbl br l-ʾbw-hy* 'Мы не будем поддерживать тебя **так, как** сын поддерживает отца', B3.6:13), придаточные со значением цели (*kzy mlh bʾyʾsh lʾ yhškḥwn_{фут.} lkm* '(Делайте все возможное для того), **чтобы** они не обнаружили_{фут.} у вас ничего дурного', A4.3:6). Существенно, что в целевой по значению клаузе употребляется форма индикатива (*yhškḥwn*).

Предложения реального условия вводятся союзом *hn* 'если'. В условных предложениях, относящихся к настоящему-будущему, финитное сказуемое принимает форму префиксального и (чаще) суффиксального спряжения (см. 1.6.0.). Обе формы могут встречаться в одинаковых контекстах, поэтому их распределение неясно: *hn kn ʾbdw_{пер.}* 'если они поступят так' (A4.7:27) vs. *hn kn ʾbd_{фут.}* 'если ты поступишь так' (A4.8:26). Контрфактическое условие вводится союзами *hnlw* и *lw* 'если бы', глагольное сказуемое принимает форму суффиксального спряжения: *hnlw glyn_{пер.} ʾnpyn ʾl ʾrʾm qdmn* 'если бы мы прежде обнаружили наше присутствие Аршаму' (A4.2:8), *lw b-sgrʾ ʾymt_{пер.}* 'если бы я был помещен в заключение' (D7.10:1).

Об инфинитивных оборотах см. 2.3.7.

2.6.0. Сведения о лексических заимствованиях, приводимые в настоящем описании, основаны на списке заимствований в арамейских текстах из Египта, записанных семитским алфавитом и изданных в ТАД (почти все эти тексты датируются Ахеменидским периодом). Этот список опубликован в приложении к грамматике Т. Мураоки и Б. Портена. Заимствования, имеющиеся в других арамейских корпусах Ахеменидской эпохи, не рассматриваются, так как о них нет достаточных данных.

По оценке Мураоки и Портена, свыше десяти процентов слов, засвидетельствованных в арамейских текстах из Египта, представляют собой заимствования. 75 лексем заимствованы из древнеперсидского, 47 — из аккадского (с учетом аккадских слов шумерского происхождения), 46 — из египетского. Среди заимствований почти нет глаголов. Ниже рассматриваются преимущественно те заимствованные слова, которые засвидетельствованы в корпусе более одного раза (для каждого из них приводится лишь по одной текстуальной ссылке).

Наиболее важным исследованием заимствований из древнеперсидского в И.а.я. является монография немецкого ираниста В. Хинца (1975). Большинство иранизмов приходится на архив персидского наместника Аршамы и на официальный архив Ядин-яха (*ydmyh*), главы еврейской общины Элефантины в конце V в. Среди иранизмов выделяются обозначения лиц по должности и профессии, например *ʾzdkrʾ* 'вестник, глашатай' (A6.1:5) < др.-перс. **azdākara-*, *dtbryʾ* 'судебный чиновник' (D3.45:6) < др.-перс. **dātabara-*, *ptkrkr* 'скульптор' (A6.12:1) < др.-перс. **patikarakara-*, *mgwšʾ* 'маг' (C2.1:75) < др.-перс. **maguš*. Хорошо представлена правовая терминология, связанная с имущественными отношениями, например *hnbḡ* 'совладелец недвижимостью' (B5.5:9) < др.-перс. **hanbāga-*, *hngyt* 'совладелец движимостью' (B5.5:9) < др.-перс. **hangaiθa-*, *ʾdrng* 'гарант' (B3.10:18) < др.-перс. **ādranga-*. В корпусе засвидетельствованы также общекультурные термины, хорошо представленные и полностью адап-

тированные во многих арамейских языках, например *gnzʔ* ‘сокровище’ (А6.2:4) < др.-перс. **ganza-*, *zn* ‘разновидность’ (А6.1:3) < др.-перс. **zana-*, *ptkr* ‘статуя’ (А6.12.2) < др.-перс. **patikara-*, *ptgm* ‘слово’ (А6.8:3) < др.-перс. **patigāma-*. Многие существительные-иранизмы имеют регулярную арамейскую флексию, например *bg* ‘домен, владение’ (< др.-перс. **bāga-*): *bg*_{ед. ч. неопр.} (С3.6:8), *bg-ʔ*_{ед. ч. опр.} (А6.13:1), *bg-yʔ*_{мн. ч. опр.} (А6.4:2).

Стандартным пособием по лексическим заимствованиям из аккадского в арамейские языки остается работа С. Кауфмана (1974). Кауфман насчитывает в И.а.я. 107 заимствований из аккадского. Это количество трудно согласовать с 47 аккадизмами в египетском арамейском, наиболее информативном корпусе И.а.я. с точки зрения как грамматики, так и лексики. Это объясняется тем, что Кауфман получил число 107 в результате несколько произвольной реконструкции: он учитывал данные арамейских корпусов рубежа христианской эры, в частности пальмирского и набатейского, исходя из того, что засвидетельствованные там аккадизмы должны были присутствовать и в ахеменидском И.а.я. Около трети аккадских заимствований в ТАД — обозначения лиц, например *ʔrdykl* ‘строитель’ (В2.6:2) < аккад. *arad ekalli*, *knth* ‘коллега’ (А6.1:7) < аккад. *kinattu*, *lhn* ‘храмовый служитель’ (В3.2:3) < аккад. *laḥḥinu*, *mskn* ‘бедняк’ (С2.1:38) < аккад. *muškēnu*, *nḥtm* ‘пекарь’ (D8.9:7) < аккад. *nuḥatimmu*. Среди заимствований из аккадского много архитектурных, экономических и правовых терминов, например *ʔgr* ‘стена’ (В2.1:4) < аккад. *igāru*, *ʔgwr* ‘храм’ (А4.7:6) < аккад. *ekurru*, *hlk* ‘налог’ (А6.11:5) < аккад. *ilku*, *mndt* ‘подать’ (А6.13:3) < аккад. *maddattu*, *nksn* ‘собственность’ (А4.7:16) < аккад. *nikkassu*, *dyn w-dbb* ‘судопроизводство’ (В2.2:12) < акк. *dīnu u dabābu*. Существительные, заимствованные из аккадского, интегрированы в арамейское именное словоизменение, например *spʔ-ʔ*_{ед. ч. ж. р. неопр.} ‘сосуд’ (D7.33:2) < аккад. *šappatu*, *spt-ʔ*_{ед. ч. опр.} (D7.33:6), *sp-n*_{мн. ч. неопр.} (С3.7 Cr2:2). Единственным глаголом в корпусе, бесспорно заимствованным из аккадского, следует считать *šzb* ‘спасать’ (А 4.3:5) < аккад. *šūzubu*. В частных письмах хорошо засвидетельствован заимствованный из аккадского фразеологизм *libbāti malū* ‘злиться’, букв. ‘наполняться гневом’, например *mlty lbt-y* ‘ты разозлилась на меня’ (А2.3:6), *hwyt mlʔ lbt-k* ‘я злился на тебя’ (А3.5:4), где семантический объект (как и в аккадском источнике этой идиомы) выражается местоимением, связанным с опорным словом *lbt*, которое в И.а.я. представлено лишь в составе этого оборота. В тексте на надгробной стеле V в. (D5.20:2) встречается фраза *krʔy ʔyš lʔ ʔmrt* ‘Она никого не оговорила’, представляющая собой адаптированное заимствование широко употребительной аккадской идиомы *karṣi akālu* ‘клеветать, говорить дурное за глаза’ (глагол *akālu* ‘есть’, стоящий в вершине аккадского оборота, в арамейском тексте заменен «по смыслу» на глагол *ʔmr* ‘говорить’, в то время как существительное *krʔ* заимствовано непосредственно из аккадского и нигде больше в И.а.я. не засвидетельствовано). Можно с уверенностью допустить, что часть аккадизмов, засвидетельствованных в корпусе, попала в арамейский язык в доперсидский период. Это следует не только из ограниченных возможностей контакта между И.а.я. и аккадским, и не только из «некнижной» семантики части заимствований, но также из фонологического облика некоторых из них. Так, озвончение /k/ в интервокальной позиции и отражение аккадского /š/ как /s/ указывают на устные заимствования из новоассирийского диалекта аккадского, ср. *ʔgwr* ‘храм’ < н.-асс. *ekurru*, *sgn* ‘наместник’ (А6.2:9) < н.-асс. *šaknu*, *mskn* ‘бедняк’ < н.-асс. *muškēnu*, *sptʔ* ‘сосуд’ < н.-асс. *šappatu*.

Часть е г и п т и з м о в засвидетельствована неоднократно и в разных документах, например *tqm* ‘касторовое масло’ (А2.1:7) < егип. *tgm*, *tqbt* ‘сосуд’ (А2.2:11) < егип. *t qbt*, *qb* ‘мера емкости’ (В7.1:9) < егип. *qbt*, *šš* ‘алебастр’ (В3.8:18) < егип. *šš*,

htm 'печать' (A4.1:8) < егип. *htm*, *prʕh* 'фараон' (D23.1 Va:11) < егип. *prʕ3*, *gmʔ* 'тростник' (B2.6:15) < егип. *qm3*, *try* 'комната' (B3.5:3) < егип. *ʔ ryʔ*. Некоторые из этих слов являются египетскими реалиями и отражены также в древнееврейском языке. Вероятно, не все существительные, заимствованные из египетского, получали арамейскую флексию: *try*₁ ед. ч. опр. ст. *rb-th*₂ ед. ч. ж. р. опр. ст. 'большая₂ комната₁' (B3.12:21), где существительное *try* 'комната' является контролером согласования прилагательного *rb-th* в единственном числе, женском роде и определенном статусе, однако само это существительное не имеет суффиксального флективного показателя (ср. 2.4.0., парадигма существительных женского рода). В таможенной документации неоднократно появляется термин египетского происхождения *tʃy* 'пошлина' (C3.7 Kv 2:6) < егип. *ʔ šyʔt*. Примерно четверть египетских заимствований сосредоточена в письме из канцелярии наместника Египта Аршамы (A6.2), в котором даются распоряжения о ремонте кораблей. Это терминология, связанная с кораблями и строительными материалами, например *hl* 'палуба' (< егип. *hry.t*), *tp* 'нос (корабля)' (< егип. *ḏp*), *dry* 'стенка' (< егип. *ḏri.t*). Другие египетские заимствования тоже засвидетельствованы в большинстве своем по одному разу и, вероятно, представляют собой реалии преимущественно из области материальной культуры, например *ʃntʔ* 'льняное одеяние' (B3.8:11) < егип. *ʃnt*, *pʕqs* 'кожаный пояс' (A3.8:9) < егип. *p3 ʕgs*.

В таможенной ведомости, составленной в 475 г., многократно встречается единственное в корпусе заимствование из греческого: *sttry* 'серебряная монета, статир' C3.7 Ar2:2 (< греч. *στατήρ*).

Примечателен тот факт, что в текстах из Элефантины не засвидетельствованы *г е б р а и з м ы*, хотя лидеры общины в переписке с персидским наместником Иудеи (*yhwḏ*) отождествляли себя как «евреи» или «иудеяне», *yhwḏyʔ* (A4.7:22).

2.7.0. Как следует из функции И.а.я. как наднационального официального языка Ахеменидской империи, у него не было диалектов.

ЛИТЕРАТУРА

- Работы по грамматике
Beyer K. Die aramäischen Texte vom Toten Meer. Göttingen, 1984, Bd. 1; 2004, Bd. 2.
Folmer M.L. The Aramaic Language in the Achaemenid Period. A Study in Linguistic Variation. Leuven, 1995.
Ginsberg H.L. Aramaic Dialect Problems // AJSL 1933, vol. 50.
Gzella H. Tempus, Aspekt und Modalität im Reichsaramäischen. Wiesbaden, 2004.
Kutscher E.Y. Aramaic // Current Trends in Linguistics / Ed. T.A. Sebeok. The Hague, 1970.
Leander P. Laut- und Formenlehre des Ägyptisch-Aramäischen. Göteborg, 1928.
Muraoka T., Porten B. A Grammar of Egyptian Aramaic. Leiden; Boston, 2003 [1998].
- Исследования влияния других языков на И.а.я.
Benveniste E. Éléments perses en araméen d'Égypte // JA, 1954, t. 242.
- Kaufman S.A.* The Akkadian Influences on Aramaic. Chicago, 1974.
Kutscher E.Y. Two "passive" constructions in Aramaic in the Light of Persian // Proceedings of the International Conference on Semitic Studies held in Jerusalem. Jerusalem, 1965.
- Словари и исследования лексики
Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975.
Hoftijzer J., Jongeling K. Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions. 2 vols. Leiden; New York; Cologne, 1995.
Soden W. von. Aramäische Wörter in neuassyrischen und neu- und spätbabylonischen Texten. Ein Vorbericht // Or., Teil I. 1966, vol. 35; Teil II. 1968, vol. 37; Teil III. 1977, vol. 46.
The Comprehensive Aramaic Lexicon. <http://call.cn.huc.edu>

Источники (в алфавитной записи)

Bowman R.A. Aramaic Ritual Texts from Persepolis. Chicago, 1970.

Cowley A. Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C. Oxford, 1923.

Donner H., Röllig W. (Hg.). Kanaanäische und aramäische Inschriften. Wiesbaden, 2002⁵, Bd. 1.

Gropp D.M. Wadi Dalieh II. The Samaria Papyri from Wadi Dalieh // Discoveries in the Judaean Desert XXVIII. Oxford, 2001.

Lemaire A. Nouvelles inscriptions araméennes d'Idumée au Musée d'Israël. Paris, 1996.

Lemaire A. Nouvelles inscriptions araméennes d'Idumée II. Collections Moussaïeff, Jeselsohn, Welch et divers. Paris, 2002.

Porten B., Yardeni A. (eds.). Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. Jerusalem, 1986, vol. 1. Letters; 1989, vol. 2. Contracts; 1993, vol. 3. Literature, Accounts, Lists; 1999, vol. 4. Ostraca and Assorted Inscriptions.

Segal J.B. Aramaic Texts from North Saqqâra with Some Fragments in Phoenician. London, 1983.

Источники (демотический арамейский Amherst 63 и клинописный арамейский текст из Урука)

Bowman R.A. An Aramaic Religious Text in Demotic Script // JNES 1944, vol. 3, № 4.

Geller M. The Aramaic Incantation in Cuneiform Script // JEOL, 1997–2000, vol. 35–36.

Steiner R.C. The Aramaic Text in Demotic Script: The Liturgy of a New Year's Festival Imported from Bethel to Syene by Exiles from Rash // JAOS, 1991, vol. 111.

Steiner R.C. The Scorpion Spell from Wadi Hammamat: Another Aramaic Text in Demotic Script // JNES, 2001, vol. 60.

Steiner R.C., Nims Ch.F. A Paganized Version of Psalm 20:2-6 from the Aramaic Text in Demotic Script // JAOS, 1983, vol. 103.

Steiner R.C., Nims Ch.F. You Can't Offer Your Sacrifice and Eat It Too: A Polemical Poem from the Aramaic Text in Demotic Script // JNES, 1984, vol. 43.

Steiner R.C., Nims Ch.F. Asurbanipal and Shamash-shum-ukin: A Tale of Two Brothers from the Aramaic Text in Demotic Script // Revue Biblique, 1985, t. 92.

Vleeming S.P., Wesselius J.W. Studies in Papyrus Amherst 63. Amsterdam, 1985, vol. I; 1990, vol. 2.

Сокращения названий источников

Названия книг Ветхого Завета даются по-латински в соответствии с общепринятым научным изданием Biblia Hebraica Stuttgartensia (в скобках приводятся русские соответствия в Синодальном переводе):

Gn — Genesis (Бытие)

Jer — Jeremia (Иеремия)

Esr — Ездра (Ездра)

Da — Daniel (Даниил)

Cowley — *Cowley A.* Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C. Oxford, 1923.

KAI — *Donner H., Röllig W. (Hg.)*. Kanaanäische und aramäische Inschriften. Wiesbaden, 2002⁵, Bd. 1.

TAD — *Porten B., Yardeni A. (eds.)*. Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. Jerusalem, 1986, vol. 1. Letters; 1989, vol. 2. Contracts; 1993, vol. 3. Literature, Accounts, Lists; 1999, vol. 4. Ostraca and Assorted Inscriptions. Ссылки на каждый из томов данного издания обозначаются сиглами: A — vol. 1, B — vol. 2, C — vol. 3, D — vol. 4.

TCL — Textes cunéiformes, Musées du Louvre (Paris 1910ff.).

WDSP — *Gropp D.M.* Wadi Dalieh II. The Samaria Papyri from Wadi Dalieh // Discoveries in the Judaean Desert XXVIII. Oxford, 2001.